

МАРИЯ ВАТУТИНА

НА ТОЙ ТЕРРИТОРИИ

Москва

Art House
media

2010

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
В21

Дизайн обложки
Анастасии Кекелии

Ватутина М.

В21 На той территории / Сборник стихотворений /
М. Ватутина. — М.: Арт Хаус медиа, 2010. — 128 с.
ISBN 978-5-902976-33-2

Мария Ватутина — автор четырех поэтических книг, постоянный автор журналов «Новый мир», «Октябрь», лауреат Специальной премии «Московский счет 2009», Волошинского конкурса и других. Стихи М. Ватутиной обладают «прозаическими» чертами и, по выражению Владимира Гандельсмана, стали «эпохальной песней неисторических частностей, из которых состоит жизнь». Особый психологизм сюжета и повествовательность стихов, нередко записанных прозой, помогают автору акцентировать внимание читателя на эмоциональной, нравственной стороне происходящего. В новой книге «На той территории» внутрисемейная, автобиографическая тематика перерастает в общечеловеческую, историческую и выходит за территорию частной жизни отдельного человека.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(Рос=Рус) 6-5

ISBN 978-5-902976-33-2

© Ватутина М. Текст, 2010
© Арт Хаус медиа, 2010

«Так красиво, глаз не отвесьть»

Новизна поэзии Марии Ватутиной в том жизненном материале, который она пресуществляет в материал поэтический. В умении преобразить историю заурядной жизни в жизнь единственную и неповторимую. Назначение поэзии, как и назначение таинства церковного, в том, чтобы возвести нечто обыденное и не знающее своего смысла в степень причастности к истинному и полнокровному, и назначение это ярко явлено в стихах Марии. Особенно ярко потому, что она не только не брезгует, но тяготеет ко всему, что горестно взгляду и больно душе, и стоит, возможно, сказать жестче: ко всему, что ненавистно взгляду, которому не оторваться от своей ненависти, как от любви. Где же, как не в этой точке, начинать восхождение?

Мать брала меня на дело лет с двенадцати.
Коммунизмом пахло прело ближе к осени.

Мать и дочь идут воровать яблоки. Год примерно 1980-й.
И вся эта заунывная и худо-бедно-противоправная затея
вдруг обретает такое сияние:

Как кому на свете выжить — дело личное.
Что кому до смерти помнить — дело тонкое.
Воровала я и яблоко коричное,
И китайку золотую и антоновку.

Семеренко недоспелые зеленые
Мы сбивали с веток каменными, кислыми.
Потому что, если в сахаре томленные,
То не так уже и страшно с коммунистами.

Имена яблок спасают. Русский язык. Только с ним и ради него возможны такие путешествия. Туда, где «человеческий дух в плацкарте убивает любую вошь». Туда, где «и колбасный дух, и чесночный, и самогонный, / запах пота, запах мочи, запах-правда и запах-ложь...»

Мне кажется, что тяга к схождению в такие края — это не только «происхождение», наше общее советское происхождение, когда от парадного подъезда до грязных задворков империи один шаг, к тому же от иного парадного подъезда тошнит сильнее, чем от вонючей подворотни, короче говоря, это не только «наша родина, сынок». Нет. В безголосых и бессловесных краях, в тех краях, где нет языка искусства и где живут многие герои Марии Ватутиной, скапливается несказанная и несказанная энергия, скапливается в избыточном количестве, и поэт её чувствует и за ней спускается, чтобы наделить её формой, и форма, песенное духовное начало, которым поэзия жива, придаёт бессловесной и невыраженной энергии высокое содержание. Иными словами, духовное начало черпает свою силу в низкой и мощной энергии и выводит её на свет, преобразует, благодаря своей природе.

По стихам Марии Ватутиной можно восстанавливать генеалогию — столько там поименованных родственников и не родственников: баба Мотря, дед Иван, Петр Буряк, Гродницкие...

А можно — географические реалии — мелькают вокзалы, населенные пункты, улицы, больницы, реки: Ноев ковчег, Тайнинская, Ярославка, Остроумовка, Яуза, Казанский, Фундуклеевка...

Именно так: от Ноева ковчега до Фундуклеевки.

Мне бы хотелось сказать о поэтическом мастерстве Марии Ватутиной, о рифме, о продуманных и красивых концовках стихотворений, об удивительных деталях, невзрачных и несурзных, но неожиданно поднимающихся до метафорических высот. Так в «Часах», когда советский майор везёт трофейное добро из Германии в 1947 году, в том числе и часы... такое перечисление:

Две кровати, швейная «Зингер», лодка под парусами,
Автомобиль «Олимпия», мотоцикл БМВ,

Пианино с подсвечниками, кто на нем сыграет?
Стол письменный, шубка с дырочкой в рукаве,
Крохотной дырочкой, о которой никто не знает.

Мне бы хотелось сказать больше, чем позволяют разумные пределы предисловия. Поэтому еще чуть-чуть.

Истоки говора-говорка, столь часто встречающегося в стихах Марии, — в русском фольклоре («Ах вы, девушки, сударушки мои, / Вы не знаете кручинушки моей...»), в раёшнике (его еще называют «рифмованный фразовик», когда разбивка стиха на строки определяется интонацией и паузами), в современных и по-разному преобразованных формах такого рода поэзии: у Пушкина, Некрасова, Хлебникова, Белого, Блока и многих других.

«Всем! Всем! Всем!» — так начинается одно из стихотворений. Сразу вспоминается Маяковский: «— Всем! Всем! Всем это — фронтам, кровью пьяным...»

В книге много стихов, записанных прозой. И не так уж важно, что именно это стихотворение идет «столбиком». Все равно выглядит как проза. Начало решительное и бесприкословное:

Всем! Всем! Всем!

Девочка наша стала ходить в бассейн!

— Растрясись, толстожопая, растрясись, — разрешила мать.

И давай ее собирать.

У Марии Ватутиной — спародированный Маяковский, потому что следует сообщение отнюдь не историческое. Хотя как сказать... Своеобразная игра в «Дочки-матери» происходит и в других стихах, и оказывается, что это не игра вовсе, а трудная песня человеческой жизни советской поры. Трудная песня о любви-нелюбви, когда «от любви до ненависти...», о не любящей себя любви и ненавидящей себя ненависти, — не формула ли это кишашей и несчастливой семейной жизни, которая обязана быть счастливой, но не умеет? — это эпохальная песня неисторических частностей, из которых состоит жизнь: неуклюжая девочка на глазах сверстниц, уже приловчившихся, впервые в жизни переодевается, дело происходит в бассейне:

Она снимает колготки, не снимая юбки, потом головной убор,
Влезает в купальник по пояс, потом снимает юбку, потом сквозь
рукава

Вытягивает лифчик. Поднимает купальник на грудь, снимает
кофточку. Какова!

Это Гомер: «одиссея» переодевания. Девочка проходит через тот ад, через который проходил каждый: надо преодолеть стыд чистоты (быть может, лучшее, что в тебе есть), надо приспособиться, приноровиться, надо начинать жить.

Сам способ записи стихов прозой располагает к детализации, к подробностям, которые несущийся на всех парах стих может и проскочить, к интонациям приземленным, ядовитым, змеящимся:

— Что, поплавала? что угрюмая? что на завтра задали?
что молчишь?

А она, наша девочка, сидит, какмышь.
Смотрит точками, плачет строчками, запятыми молчит.
А потом говорит:
— Вот ты мама, мама, где твои штучки женские, ручки
бархатные...

Проза горизонтальна, стихи вертикальны, проза относится к стихам как земля к дереву. И дерево в своем вертикальном росте пытается словно бы оторваться от матушки-земли. Как подрастающее дитя — от матери. Тем более это так — к счастью, не слишком оригинальная аналогия с землей и деревом становится непригодной, — когда ребенок нелюбим.

Девочка, ты наша девочка, нелюбимая наша девочка, плыви,
плыви.

Не так-то просто плыть, когда не умеешь. Но — во что бы то ни стало — из этой горизонтальной привязанности-прикованности к быту — выстрадаться вверх.

И проза, и стихи — духовная история автора. Но в прозе она раскрывается косвенно, через героев, и раскрывается в

сюжетных коллизиях, — тогда как в стихах — впрямую, от первого лица, и сюжета, выраженного в столкновении характеров, там, как правило, нет. Мне кажется, автору психологически легче записывать стихи прозой, когда в них есть эти вот упомянутые «прозаические» черты.

И они — налицо в стихах Марии Ватутиной.

Одно из стихотворений называется «Кино». Игра в «дочки-матери» уже не какая-нибудь безобидная игра с девочками во дворе, но взрослое кино, где у матери подозрение на рак, истерика («Я всех вас ненавижу, — мать твердила, — и проклиная...»), больница, диагноз (оказывающийся несмертельным), приступ белой горячки и пощечина, которой дочь награждает мать, — этот дубль, как утверждает автор, в «фильм» не вошел, уж слишком страшное получалось кино... Но ведь можно сделать кино из дублей, в него не вошедших. Я хочу сказать, что игра выходит из берегов и в игру, даже и во взрослую (кино), не влезает.

В другом стихотворении — «Два зеркала» — жизнь «девочки нашей» в квартире, соседствующей с бабушкиной, на одной лестничной клетке... Вот именно. В одной квартире корвалол, «пылился пол, крошился хлеб под ноги...», «гипертонический белок», — старение и умирание, одним словом. В другой — безжалостная молодость, «девушка с веслом», любовник, эгоистическое неумение-нежелание понять старость и слезы отворачивания к себе... А в эпилоге девушка перейдет в освободившуюся квартиру старухи, оставив выросшим детям свою, «и в том ретроспективном коридоре, где друг пред другом встали зеркала, пока идет, она умрет от боли, и будет дальше жить, как умерла». Сильные, тяжелые строки.

И тем замечательней вертикальные прорывы, когда, высвободившись из-под напластавания рождений-смертей, из этой вязкой прозы, которую с трудом, вброд, переходил стих, автор вдруг распрямляется для строк столь же безусловных и прекрасных:

Не трави мне душу прошедшим временем
Времени нет вообще
Время плавает черным семенем
В бабушкином борще

Она строгая фартук трогая
Ешь говорит расти
А я маленькая одинокая
Ложку сжала в горсти

Не хочу его это варево
Много мне а она
Над душою стоит как зарево
Ешь говорит до дна

Ешь и учись тоже будешь женщиной
Маленький мой мятеж
Подавляет лихой затрещиной
Не выйдешь пока не съешь

Над борщом наклонюсь для верности
Низко и мне видны
Жировые круги поверхности
Ужасы глубины

От раешника, от земли, от гадкого утенка, от игрушечных, слышанных в молочном детстве присловиц: «Сорока-воровка кашку варила...» — к осознанию своей неигрушечной вины, к покаянию, к «ужасам глубины» и преодолению их в творчестве.

В книге Марии Ватутиной много печали, много откровенно страшных событий в больницах и палатах, много «одиночества вдвоём» и в одиночку, много этой «девочки нашей», которой сказано было: «пльви, пльви». И вот она сидит на берегу, и вдруг — вы знаете, как это бывает — солнце выглядывает из-за облака и картина преобразается:

Мне припомнилась тут картинка.
Был пикник на краю села.
А беременная Маринка
К тому берегу поплыла.

Вот плывет она кверху пузом,
Держит руки за головой,
Как баржа с контрабандным грузом,
Обманувшая наш конвой.

Я, бездетная, злюсь на кочке.
Муж пытается в воду лезть.
А Маринка плывет и точка.
Так красиво, глаз не отвести.

Владимир Гандельсман

Июнь 2009 г.

НА ТОЙ ТЕРРИТОРИИ

1.

СИМИРЕНКО

Мать брала меня на дело лет с двенадцати.
Коммунизмом пахло прело ближе к осени.
Сумки в зубы. Я ревела. Шли до насыпи.
На Тайнинской брали влево и по просеке.

Помню, шли до Ярославки друг за дружкой.
На сырой сидели лавке в сизом облаке.
Озирались, как на явке. Медной двушкой
Поднималось солнце. Шавка терлась об ноги.

Подходили, сумки пряча в диких зарослях.
По периметру кусача там смородина.
— Пошевеливайся, кляча, схватят запросто, —
Говорила мать, — не дача, а пародия.

За калитку прошмыгнем и смотрим в оба, де
Не мелькнет ли кто огнем в бытовке скошенной.
Тишина-то как не днем! Хозяин — в городе.
Мне известно лишь о нем, что отмороженный.

Ключ по правилам за бочкой над поленницей.
В дом войти, как за отсрочкой, сесть, расслабиться.
Мать следит за мной, за дочкой, ерепенится:
— Лишь бы в кресло пятой точкой и расхлябаться.

Как кому на свете выжить — дело личное.
Что кому до смерти помнить — дело тонкое.
Воровала я и яблоко коричное,
И китайку золотую, и антоновку.

Семеренко недоспелые зеленые
Мы сбивали с веток каменными, кислыми.
Потому что, если в сахаре томленные,
То не так уже и страшно с коммунистами.

Вся усыпана земля была, как оспами,
Все шесть соток разноцветными, бокастыми,
Подгнивающими яблоками, Господи,
Подмосковными грошовыми богатствами!

Дед Иван звонил на третий день с нотацией,
Говорил: не сваришь каши с этой нацией,
Без штанов оставят разными уловками.
Обзывал меня и дочь свою воровками.

ГЛЕЧИК

М. Галиной и А. Штыпелю

Человеческий дух в плацкарте убивает любую вошь.
И колбасный дух, и чесночный, и самогонный,
Запах пота, запах мочи, запах-правда и запах-ложь,
Запах-страх, запах шахты горелый, темный.
Чем ты пахнешь, дед? Что в кринке своей везешь?

Разомлев, напротив спит пацанчик, и пахнет он молоком.
В ногах у него пышет жаром, храпит загорелая баба.
Прикорнул на полу в проходе рабочий, пахнет он молотком,
Ржавью пахнет его товарищ. В Малороссии есть забава
Набиваться в поезд битком, как в борщ с чесноком.

Лысый дед, одна глазница его слезоточит
И прикрыта веком. Выглядит человеком, но пахнет смертно.
Вцепился в сосуд молочный, душа у него кричит.
Но закрыт сосуд тряпицей тугой усердно,
Не понять, почему сквозь нее горчит.

...Вышла Матрена Бескровная за Буряка Петра.
Из восьми Юрков выбрала молодого.
Настрогали они четверых детей в зимние вечера,
Что еще делать зимой, кроме дела благого?
Сеялки-веялки индевеют в амбаре, у коров пустая пора.

Старший-то из Юрков получил четыре креста,
Офицером пришел с турецкой, с торбинкой, полной грошей.
Четырнадцать десятин земли, маслобойка и молота-
рка. Жена Мария пуста, но у братьев детей, как вошей.
У Петра характер хороший, но сила не та.

И когда забирали всё, что давало хлеб, молоко,
И когда запахло степью волчьей, гниеньем колодца,
Он ушел на шахту, потом на завод, на Днепрогэс, далеко
В Осетию, в Ржев, он никогда не вернется.
Но праведники вернутся, говорил предок один Юрко.

Поворотись-ка, батько, что тебе, батько, снится?
Крутит старик в руках глиняный тот кувшин.
Шупает, хорошо ли, плотно ли та тряпица
Укрывает отца. Накануне Троицы он один
Сходит на кладбище, прикопает к матери, прослезится.

ГОРОДНИЦКИЕ

Водянистого пара из большушего чана
Обжигающий дух предстоящего счастья.
Городницкие варят кукурузу для чада
И прессованный жмых разломил на части.

В глубине огорода через заросли к небу,
Через вросший фундамент замороженной стройки
Колченогие яблони горю и гневу
Расторопно ссужают смолянистые струйки.

Колорадским жуком и куриным пометом
Пахнет двор Городницких, где будет веселье,
Потому что для Фимы трудами и потом
Приближает румяный отец новоселье.

Он торгует пшеницу в Херсон и Одессу,
Продает на суда за подводой подводу.
Фима глупый пацан, у него интересу
Только шахматы всласть и в любую погоду.

Здесь оседлость не жжет, и сподручно плодиться.
Камедь с яблони льет, тяжелеют початки.
Им бы только успеть этим всем насладиться.
Век двадцатый, как враг, окружает Несватки.

АБСОЛЮТНОЕ ВРЕМЯ

Купались курочки в пыли
Нырjali утки в местных лужах
Сновали ленные шмели
На лесопилке возле стружек

И кролик за ухом чесал
И мир существовал без правил
Как будто в собранных часах
Никто пружинку не поставил

Как будто время в них текло
Само собой как шмель летает
Как утка всходит на крыло
И курочке всего хватает

ЧАСЫ

Из Берлина в товарном вагоне едет багаж.
Предок наш не промах, когда входит в раж.
Сорок седьмой год. Наш паровоз вперед
Летит, документы на груз в порядке.
Всё куплено под расчет. А какой урод
Не продаст комод, когда фатерлянд в упадке.
В смысле, выбор падает на краюху и молоко,
Если выбирать между этими вот часами
И краюхой хлеба. Супница-роково,
Две кровати, швейная «Зингер», лодка под парусами,
Автомобиль «Олимпия», мотоцикл БМВ,
Пианино с подсвечниками, кто на нем сыграет?
Стол письменный, шубка с дырочкой в рукаве,
Крохотной дырочкой, о которой никто не знает.
Едет товарный вагон, водит состав хоровод.
Вагончик тянут за руки влево-вправо.
Каждый час методично бьет
Что-то внутри часов, мрачно и величаво.
Напольные с инкрустацией на боках,
Со стеклом, отливающим перламутром, в дверце,
Из семьи конторщика, о семи сынках
Его помнящие, выменянные на говяжье сердце.
Приступы у часов каждые полчаса,
Каждые двадцать минут, каждые десять.
Боже, прости меня за непрекращающийся
Этот бой часов, этот вой часов сквозь города и веси.
Павшей империи сколок, изыск иных кровей,
Нынче ты лишь трофей маркетанта-майора.
Чей народ несчастней, тот и правей.
В этом ты убедишься скоро.

* * *

Ну, что, православные! Долго еще до села?
И вышла, и встала, как Буба на хлипком помосте.
По улице Школьной вдоль серых заборов дошла
До крайнего дома. — А здрастье, а вот вам и гости.

Безглазый старик отстраняется на два шага.
— Ну, как поживаете? Я это, внучка, ага.

Корова на речке, картопля на печке, гарбуз
На грядке, огурчики в кадке, в тенечке горилка.
Какой-то особый у воздуха здешнего вкус,
И солнце печет-припекает особенно пылко.

И пахнет с полей, и под вишнями слепни и тля.
Кругом кукуруза, цыбуля, ну, словом, земля.

И к вечеру ближе сидит и читает, и так
Рыдает, что вся на груди телогрейка промокла.
Сидит и читает Шевченко на память Буряк.
Фамилия деда такая. По-нашему, свёкла.

ФЕОДОСИЯ

1. КАРАНТИН

в город сюда попав под мышки кариатид
нюхаешь в круглом автобусе
здесь карантин
не режим а точка на глобусе

даже не точка а клякса расплывшаяся от соленой волны
видишь чернил фиолетовых контур и сам набух ты
открой глаза и смотри руки мои оплетены
колючей проволокой мы поплавки в середине бухты

стоит Илия на мысу
смотрит на воду где кровь-коррозия
я на себе эту воду несу
Феодосия

в девятой дивизии двинулся комиссар
распространяется пандемия
расстрелов
заразны все и млад и стар
Россия

имя тебе Карантин
зверь поселился в каждом
Куйбышев тоже расстрелян но реабилитирован
на листке бумажном

набухает бухта бухает новый залп
Илия неистовствует
на колеснице огненной
уносится на вокзал
отдыхающими переполненный

2. ФИДЕЛЕВ

доктор доктор откройте скорее двери
вы евреи умеете так запираться
чтобы быстро открыть вы евреи
нечего отпираться

доктор доктор детям грозит опасность
страшная смерть падет на исчадья ваши
эти мозги еще сохранили ясность
можно бы сделать ее веселей и краше...

как же ее разукрасить старому Мише
ночь на дворе какое уж тут веселье
спит букинист в своей травянистой нише
спит фармацевт в стерильной своей постели

доктор доктор берите скорее склянки
пожалейте зондеркоманду сколько у них работы
эти ваши жидовочки и крымчанки
после расстрела снятся нам до блевоты

доктор доктор известны ведь буду гадом
сотни этих случаев из Танаха
смажьте губы им подходящим ядом
сколько там его для младенца надо

как же мне не помнить старому Мише
эти сотни случаев от Мойшы до Назарея
собирайся Рая ну вот пришли же
а ты всё ворчала что мы как не евреи

* * *

— Ну, вот, залезай на каталку, — сказала сестра, —
Какая погодка! Отходят последние воды.
Когда бы я знала про эти твои номера,
Взяла бы с тебя по двойному тарифу за роды.

Дождливый сентябрь на два пальца заполнил внизу
Немецкое кладбище, вал Госпитальный, Синичку.
— Лежи мне не рыпайся, скоро уже повезу,
Ну, льется и льется! Какую бы сделать затычку?

Четвертую тряпку она отжимает в горшок.
Глядит на пузатую, та говорит по мобиле.
У рожениц этих есть право на срочный звонок,
Покуда на третий этаж не спустили.

Глядите на эту мокруху: она со своим
Решает в последний момент перед спуском на третий:
— Мария, быть может? Быть может, любимый, твоим?
Моим, дорогой?

Вот забава на сотни столетий

Для этих давалок!

— Ну, девка, полтинник готовь.
Весь пол залила, словно мы растворились в природе.
Какое сегодня? Не Вера, Надежда, Любовь?
Не Вера-Надежда? Конечно, тридцатое вроде.

* * *

Бабка красит седину.
Затхло время в ней.
Мать писала на войну:
Забеременей.

Тебя вышлют из полка,
Не убьют в бою,
И останешься пока
Невредимую.

От слюны карандаши
Стали рыжими.
Согреши, мол, согреши,
Только выживи.

Я сама тебе его
В люди вытяну.
Ведь семнадцатый всего,
А ты на войну.

Бабка любит потрындеть.
Чайник на плите.
— Вот умру, такого ведь
Не узнаете...

* * *

Старая женщина, а глаза так и горят,
Когда она вспоминает этого Ганса.
— Он купил билеты в четвертый ряд,
И мы гуляли с ним до сеанса.

Кляйн Москва на отшибе Берлина, Марика Рёкк.
Сорок шестой год. По-украински «рок».
Так говорит изученный хер Петрович.
Немец по медицинской части приезжает в срок
Из Эрфурта, и берет ее в поводок.
И целует так, что во рту остается горечь.

Солоноватая у него слюна.
Прямо кровь, а не слюна, она влюблена.
Что тут стоит влюбиться,
Когда четыре года кругом обрывки, а не тела,
Когда несешь их на себе от села до села...
А этот — можно убиться!
Так бы вот и отняла у Петровича, что дала.
И передарила этому, из другого мира.

Она сидит у стола.
Баба Ира.

— Нет и нет его. Оказалось, расстреляли и вбили кол:
Ставил опыты всю войну. Изувер, каких и не снилось.

Охает: — Как он меня подвел!
Как я на него тогда разозлилась!

ДОКУМЕНТ

Начальнику кладбища В. от гражданки Л.
Заявление. Дорогой товарищ начальник!
Прошу переоформить на имя мое один надел
В колумбарии, где густой ольшаник,
Пыльная дверца, сколотое стекло,
Уже и не видно, что там внутри, у входа
В потусторонний мир, урна или фуфло:
Ячейка заброшена с тридцать восьмого года.
Прилагаются документы. Я одна имею права.
Этот Хай был отчим моего покойного мужа
Бравого летчика Л., я сорок лет как вдова,
И сама воевала к тому же. Ну же,
Перепишите на меня это место. В Москве
Некуда умереть, всё ушло под застройку.
Вот уж девятый десяток, а в голове
Мысли только про койку,
Но не так, как в молодости, когда я давала
Жару по всем курортам и закуткам.
Хочется, чтобы точно уже лежала
У вас, товарищ начальник, там.
Дочь всё сделает: получит пепел и скинет в банку.
Обязуюсь не безобразничать и убираться на раз.
С уважением, гражданка Л., ваша будущая содержанка,
Еще живая, но скоро вся целиком у вас.

* * *

— Кто там в приемной? — говорит Господь, — пригласи.
Проходите, садитесь, жалуйтесь, спорьте.
Для начала представьтесь.

— Я, — говорит, — всяя Руси
Королев, Сергей Павлович.

— Здесь — на курорте?
Согласитесь, — говорит Господь, — тут у нас сущий рай.
Ботанический сад, голубое море.
А какие барышни! Комсомолки! Хотя в Москву забирай
и женись!

— Я о моем моторе
Вам писал, просьбочка невелика...
Королев оттирает пот платком, свернутым в восемь.
С балкона в открытую дверь облака
забегают.

— Всем бюро Вас просим!

— Знаю, знаю.

Господь достает из-под сукна
папку с надписью «Дело номер...»,
начинает мелко ею трясти:

— Какого рожна
я построил для Вас, Королев, Житомир?

Жили бы учительством, лечили бы от поноса.
На худой конец, оборонка, гражданская авиация...
Нет, сдалось Вам это освоение космоса!
Профанация!

Вы — ребенок, слушайте! Там — шаром покати!
Я живу совершенно в другом районе,
если речь о том, чтоб меня найти,
и у Вас семья привыкла, поди, в озоне.

...Королев выходит на станции Тюра-Там.
Он в конце концов пробил полигон и круг по орбите.
Но теперь всё думает, что как там
И на самом деле бессмысленность в чистом виде...

НА ТОЙ ТЕРРИТОРИИ

Им скажешь: «На дачи за гаражи, за диспетчерскую, в лесок».
Не каждый поедет. Поморщатся, перепахнут к молодому.
В раздолбанной Сходне дороги рвутся, что твой волосок,
И тачки, что твой голосок, глохнут у каждого дома.

Дай Бог, не родить по дороге. Свалки кругом.
За узкоколейкой душа превращается в грыжу.
А эти живут здесь, как вкопанные в чернозем.
А я чернозем ненавижу.

Спускаясь в низину, сворачивай, вправо бери.
Не видно ворот за сочной крапивой.
И вдруг, погружаясь в низину, ты, словно внутри
Какой-то пещеры красивой.

Здесь две территории, дачам по семьдесят лет.
Теперь их дают ветеранам и прочим старухам.
Но если увидишь какой сообразный скелет,
Он точно относится к духам.

А дальше пешком через мост, и на той стороне
Уже не проедешь, тропинки теснятся меж сосен.
И лес непролазный несносен с жильем в глубине,
И воздух морозен.

Забьешься в такую-то дачу и вылезти лень.
Продуктов на месяц, буржуйка, вода из колодца.
И только ребенок, предчувствуя вечную тень,
На ту территорию рвется.

Ему говорят, там собаки, Субару, событий не жди.
Ему говорят, там дожди, там паденье с качелей,
Там бах самолет, там цейтнот, там обидят вожди,
Там нас, терракотовых, режут на сотни сечений.

Ты даже названья не знаешь, а так и зовешь:
«На ту территорию», так и орешь над оврагом:
— Эй, та территория!.. Ты, терракотовый, в грош
Не ценишь антенну домашнюю с фирменным флагом.

На той территории лишь продолженье Ли-Шань,
Гробница, в червивое чрево которой нас всех закатали.
А встретишь кого, не здоровайся, будет лишай,
Мы в этом столетии все безымянные, все без эмали.

Таксист вынимает багаж и дает по газам.
Вот лом и кирка. Переходим овраг и по тропке.
Там конь не валялся. Зарыт среднерусский сезам,
В нем тьма истуканов. Идут полевые раскопки.

МАЛАЯ ИСТОРИЯ СПАСО-АНДРОНИКОВА МОНАСТЫРЯ

Золотой рожок

плывет преподобный по Черному морю
на маленькой лодке своей
избавь меня Боже от глада и мору до дна эту воду испей
послушался вышел на берег Царьграда и Рог Золотой осушил
у Бога за пазухой всё же отрада хотя и штормит выше сил

плывет преподобный теперь да не просто
несет его вместе с водой
незримое тело огромного роста
с прилипшей к груди бородой
Алексий штампует прошения и клятвы
нельзя ли князей не плодить
нельзя ли нам где-нибудь там у Непрядвы
ну типа татар победить

нельзя ль вообще повторить этот чудо
ну с морем что принял на грудь
и древнюю Русь словно сочное блюдо
в себя помолясь запихнуть
очнулся Алексей на яузской гнили
и клятвы припомнив тотчас
сказал небесам все прошения в силе и кстати спасибо что спас

Андроник

пошел Алексей в Хотьков где духовный отец
взошел Алексей на гору именем Маковец
стоит монастырь из сосны лысы кругом холмы
пресвитер при свете свечи читает псалмы

одежды его просты и ветхи детки его тихи
инок в углу потупившись считает свои грехи
Вселенский вот патриарх бандерольку наскреб
крест параман и прочий схимнический гардероб

ты же мать Россия у тебя хмельной
подменили непорочное дитя

а в подвал приходит ангел по ночам
кормит супом супчик просто волшебство
рублик сунет восприятствуя речам
обещает заступиться за него

после бесы дуют в дудочку свою
греют крысами на монастырском дне
Аввакум гореть тебе в раю
леденеть в огне

Концлагерь

это ты Андрей череп белый острые ребра
в западной башне у стены из-под дерна робко
или это ты Даниил костяшками замер обло
словно в ладони стопка
или кто вы там чья тут под башней сопка

сколько сколков насыпали тут в тенечке
прикопали переворошили прошлые кости
подвинься кто там с красками в туесочке
ты тут не на погосте
принимай буржуев в горести и коросте

специфика монастыря умягчившись зверствам
отпевать рано усопших и убиенных
но теперь их свозят живыми бросают к фрескам
Господь в три дня поглощает души пленных
кладет кругами тела на манер вселенных

Гужон

а вот кому трубы стальные новые и лежалые
а вот кому гвозди из этих людей живущих без жалобы
без жалобы и без жалости в мартеновской печке плавленных
из людей обезглавленных

мы в прокатном стане их прокатали в тянущем цехе тянули
мы шляпки к ним привернули согнули их в виде дули

гвоздильное отделение прохладное утро раннее
вызываем тебя Господи на социалистическое соревнование

Колония

размахалось небо кадилами
нет в некрополе ни души
у советской власти с могилами
разногласия
не маши

не поют пацаны бездомные
в монастырском сыром дворе
им готовят квартиры съемные
этой ночью в монастыре

и выходят толпой на улицу
Федор Волков, Лопухины,
за Андреем Толстые хмурятся,
за Толстыми Аладыны

опустела телом скудельница
с мясом вырвали из земли
ты кацея моя медведица
беспризорники вы мои

Крещение

помнишь снег в храме
не сравнить с Пантеоном
Бог здесь тот же но по другим законам
если дырка в трубе всё вылетает в трубу
если дырка в куполе страшно рабу

помнишь последнего крещенного тут младенца
Бог здесь тот же но надо побольше сердца
если крестят младенца так чтоб не зачах молодой
а моют выливают вместе с водой

помнишь затих младенец глядя на эти фрески
Бог здесь тот же но не в суровом блеске

а в выцветшей осыпавшейся штукатурке
собери с пола храни у себя в шкатулке

помнишь расписались в книге соборной
ты отец я мать из песни не выкинешь понта
доказательство Бога свет его иллюзорный
вырастающий из-за линии горизонта

2.

ПЛАН ПОБЕГА

Мы лежали в коробках по одному.
Нас хотели рожать.
Кто-то смотрел во тьму.
Я хотела бежать.

До потолка шли стеллажи
С коробками. Тьма рядов.
Здоровенный амбар во ржи,
Вдалеке от городов.

Тот, кто всем у нас заправлял,
Пальцем водил по воде,
И отправлял нас на вокзал.
Теперь мы везде.

К коробке крышку скотчем, теперь
И мне назначен приют.
Я в шелку видела, он не зверь,
Звери своих не сдают.

Мне выпал город семи холмов,
Сорока сороков церквей.
Не ответили на мазл тов
И на хэппи беззз-дей.

Я научилась их понимать,
Они понимают с трудом.
Надо было раньше бежать,
Думала я потом.

Но поскольку задуман побег
Во мне еще до меня,
Я построю свой ковчег
Среди белого дня.

— Что ты строишь? — спросит люд.
— Почту, — отвечу я.
Каждый из них в отдельности — лют.
Вместе они — семья.

Я в огромный короб войду,
Одной слезы не пролью.
Приплыву: хау ду ю ду!
Гуттен морген, салью.

— Здравсте! — скажет обратный Бог,
расписываясь за возврат.
— А мы съезжаем отсюда, ох,
в другой временной квадрат.

Болтайся теперь незнамо где,
Жди, куда завернет.
Водит он пальцем по воде,
Но что-то никак не ткнет.

* * *

Вот страна моя картой на стенке,
плазменным светит огнем.

Откулупнем?
Помнишь, эти обои клеила мама прошлой эпохе в тон.
Под обоями слой за слоем: «Правда», труха, бетон.

За бетоном деревянные перекрытия, клад под бревном.
Много красного в новостийной заставке,
много черного за окном.

Ночь. В эту пору я собиралась когда-то на приработок
и к пяти часам
Получала стопки газет, раскладывала по адресам.
Поквартирно прописывала карандашом,
поквартально складывала в тюки.
На левом плече таскала в подъезды,
опускала сухую правду в ящики.

А по вечерам мы мыли бассейн:
спускали воду, смывали песок и грязь.

Жизнь удалась.
И удалась бы так же в любую другую эпоху,
в любой другой стране,
Но дороже та, что захоронена у меня в стене.

Так и чудится, за последним слоем на деревянном столе
Прадед Иван лежит посредине комнаты, на челе
У него испарина. Он назвал свой последний час.
Попрошается и умрет, не дождавшись нас.

Отзвуки позывных, отблески новостей.
У электронной почты нет для меня страстей.
А в конце июля нанятый азиат
Залатал все щели. Выровнял стены.

Ничто не цепляет взгляд.

БИЛАЛ

Семилетний чеченец в московской школе
Грозит зарезать соседа по парте
И проводит ребром ладони себе по шее.
На родительском взрослые люди кричат «доколе»,
«Если им не нравится, пусть выбирают на карте
Другую Москву, а нам без них спокойнѐе».

— Посмотрите, какой у него звериный оскал,
Какие повадки. Дети его обзывают большим,
Потому что он зачастую впадает в ярость...
— Мой отец придет и застрелит тебя, — говорит Биалал,
Худенький бледный мальчик, — передай остальным, —
Овцы они, шакалы. И остывает малость.

Садится на стул за шкафом и начинает дышать.
— Дядя мой в Грозном поймал орла, — говорит Биалал, —
Посадил его в клетку и бросил орлу утку.
— ... И нечего на родительские собрания мать
присылать, надо, чтобы отец узнал,
что мальчик не приживется здесь ни на минутку...

— До костей-костей орел утку зачистил,
До крови-крови утку сожрал орел, —
Говорит Биалал и орлом гордится, —
А другой мой дядя убил корову, застрелил,
Чтобы кушать ее, сели за стол
Во дворе и ели корову всей улицей.
— Так не годится! —

Говорят тихой чеченке другие матери, а отцы молчат.
И она кивает, мол, передам Аслану,
Когда он приедет снова.
У Биалала глаза — голубые сливы, два шрама и взгляд
Затравленный, словно он та корова.

У Биалала глаза в полчерепа, полные злой тоски,
Словно бог, заведующий всем известной частью Кавказа,
Распахнул вручную два этих глаза,
Да уж больно резко, больно и резко, не по-людски.

ПАМЯТИ ОТЦА

(4 сентября)

Так закручено время, как будто его отжимали.
Первый раз в первый класс мы дитя провожали.
А три года назад провожали отца.
Первоклассники не желают домой из-за парты,
Дома что ли им хуже, чем в области Спарты
Новорусского образца.

Ну, какие там были сегодня уроки?
Ты опять подставлял однокласснику щеки?
Первой юшкой запачкан пиджак.
И стиралка стирает, жужжит пулеметом.
Стайки мамок кружатся над первым пометом,
Не поднимутся дети никак.

Это в памяти насмерть засело, застряло,
С этой болью не спрятаться под одеяло,
Это выело напрочь всю радужку глаз.
И бесланский сентябрь в задымленье и саже,
И отца, что смотрел по Москве репортажи,
Поминаю совместно в назначенный час.

Кто сидит в мастерской перед пыльным экраном:
В спайки мозга вплетается рой над Бесланом?
Не вживайся, иди мастера!
Нет, сидит умирает, снаружи дымит.
И по швам расплзаясь, сердечная мышца
Замирает внутри.

* * *

Лобзик, шуруповерт, плиткорез,
Перфоратор, дюбеля на шестерку...
Водитель Миша так пылко лез,
Что влез в подкорку.

А она ему за доставку сует пятьсот.
Он думает: ведь одна живет,
Говорит: — Если что, помогу без денег.
Телефон она у него берет,
Но ремонт без Миши — праздник. А с ним — расчет.
Позовет, а вдруг бездельник...

Ламината двадцать восемь квадратных м.
Кафеля шесть — в коридор и на кухню — восемь.
На даче мать с фотографией Саши, на уме
У нее: и крапиву скосим,

И с переездом, и в доме мужик.
Сашина мама приносит каравай, и — «вжик»,
Переходит на «вот и вы всё одна живете,
И сын мой никак не женится». (Просто шик —
Он еще и девственник). У нее от зарплаты пшик,
Но хорошо на работе.

На работе а) можно поговорить.
(чтобы речь не забыть), б) выдают зарплату.
Она больна смертельной болезнью — жить
И неизлечимой второй, что сойдет за оплату

Лечения первой. От второй не умирают. Она — не умрет.
Ну, как тебе объяснить... Вот она, как крот,
Который ни на кого не в обиде,
Даже если совсем припрет.
Одиночество первой стадии. Иногда она орет.
Просто орет, ничего не видя.

* * *

К. Т.

«Как же я постарела!» — она шлет ему фотографию.
«Это да, это да, —

он думает. — А я-то, я-то...
мешок из слоновьей кожи, внутри вода
и глаза наружу. Время перед нами всегда виновато.

Врал поэт, утверждающий наоборот.
Как она смотрит больно.
Больно моим глазам, от которых вот
только что и осталась — штольня».

Что, что, штольня, у тебя внутри,
Кроме воды и хлеба?
Помнишь, сидели в кафе:
— Говори
ты первая. Как ты жила вдоль неба?

Женщина, как пружина,
завел — затикало, «тра-та-та», — пулемет.
А эта стесняется себя, мертвую, ни ест, ни пьет.
Остановилась посередине слова:
— Давай о тебе. Такого,
как ты, больше не было. Как ты жил вдоль земли?
И поехали, и пошли...

Сколько соли не вместе съедено, сколько сапог
Стопано по разные стороны света.
— У меня сынок.
— У меня...это....

родилась дочка (радужная поволока
женщине покрывает глаза) и умерла.
Когда она умерла, я сбил человека.
Теперь у меня две дочери. Не прибавил числа
Людей, только возместил потерю.
Но время, подобно зверю,
Приходит и ищет меня повсюду,
внюхивается, проникает в кровь.

Я искал богатство, но отыскал любовь,
Я нашел любовь, но обрел нищету.
Моя страна — извращенка. Любит изжогу и рвоту,
Чтобы выворачивало и жгло в двенадцатиперстной непроходной
После того, как обожрется заказной шпаной, например, мной.
Се омолаживающая процедура, сыворотка, микроток.
... У нее в руке носовой платок.

У него бокал дорогого пива.
Она говорит, что про надпись «всё проходит и т.п., и т.д.»
Всегда думала, что она про болезнь. За его спиной неторопливо
Проходят люди, машины, облака, и остается небо.

Небо. Везде-везде.

* * *

Жена Тесея сама знает всё про себя.
Старость — первые всходы. Родинки. Волоски.
Утром веки разглаживаешь вручную, грубя
Няньке. Пусто и жжет от тоски соски.

Жену Тесея видят все еще молодой.
Львица она и есть. В жилах тайком любовь.
Что бесновата — блажь. На то ей и муж седой,
Чтоб не пускала сок меж расписных столбов.

Жена Тесея знает, что краски блекнут вокруг.
Запахами весны не насладить ноздрей.
Или с ума сойти, или рабов и слуг
Замуровать в любовь, словно чужих царей.

Жену Тесея жалеют, когда она в крик кричит.
Жену Тесея изводят, когда она так молчит.
Жену Тесея трясут: мечтаешь в поту о ком,
Предчувствуя пляс Эроты под стариком?

Жена Тесея не может остановить мечты.
Это и есть безумие. Ибо на сломе лет —
Отраженье уже меняет свои черты,
А ты-то нет.

ЮДИФЬ

Времени и пространства было побольше встарь.
Гуляй не хочю. Особенно, если царь.
Всякий лечит себя обидой, помогают еще шелка.
Помогает, если соседу намять бока.

Вот пленные плетутся по раскаленным пескам
В эту его Ассирию, красную, как вино.
Враг, пронзенный копьем, отход машет войскам,
Но все перемолоты, то-то же и оно.

В это время девственницу жениху отдают,
Словно лиственницу в лес, словно овечку в стадо.
Мать жениха подсматривает. Крови они не прольют,
Разве что лопнет сосуд в глазу у сына, а не там, где надо.

Кто ты, телом ладная, крепостью неприступна?
Кто тебе равен властвовать совокупно?

У царя полководец злой, как собака, любящая кишки,
Выедающая мозги одним лишь взглядом.
Он послушен царю, как оползнию камешки,
Но не сел бы опорожниться рядом даже задом.

Оттого и люрует, что смысл потерял в миру.
Оттого и радуется, проходя по трупам, как по ковру.
Ибо тому, кто теряет смысл, свидетели не нужны.
И ничто не выявит равного, кроме войны.
Равным будет тот, кто тоже смысл потерял.

У девственницы муж сидит поверху одеял.
Вот так сидит который год и вот так умирает он,
И на нем топорщится, как копые, балахон.

Пока суть да дело сгорело всё, что природа дала:
Стада, жилища, воздух, реки и берега.
Говорят полководцу: — Тут такие дела,
Есть народ, у которого Бог невидим и вера строга.

И тогда смекает наш-то, что вышел на верный путь.
Невозможно верить в ничто, нету смысла в этом ничуть.
Чувствует равносильного в зеркале, только вот
Один — человек, а другой — народ.

Но может случиться и так, что Бог, который незрим,
Перевернет все смыслы, станет смыслом самим.

Эта планета — губка, если в ладони сжать,
Кровь так и польется, звезды нежно целуя.
Олоферн решает город их осаждать.

А Юдифь хочет рожать, но нету равного в Ветилуе.

Нет, не оттого, что надо и ей любви,
Не оттого, что свята, ведь ничего у нее не взято,
Не оттого, что смысла нету в крови,
И сродни ее супружеству эта осада,

Не оттого, что вера ее не кормит, а плоть ее хочет есть,
Не оттого, что смысл в продолжении жизни есть,

А оттого, что прежний смысл не устраивает ее,
Оттого, что время так велико и пространство,
Оттого, что мужчины, как воронье,
Перелетают с царства на царство,
Оттого, что равного полюбить не сметь...

Вот он спит пред ней, развращенный кровью,
Голова его в ее изголовье
Уткнулась, срезанная на треть,
И Юдифь глядит на него с благодарностью и любовью.

ПЕЧЬ

Тысяча алых гвоздик засыпана в печь.
Огонь расплавляет живое
Не хуже, чем мертвое — книгу там или речь.
Лепестки лопаются.

Наши дни. Двое

Сидят в Савоие. Он говорит: — Война
Сожрала пархатых, но можно было бы и побольше.
Они снова во всех щелях.

Она

Молчит. У нее прабабка из Польши.
Страшно его, но она молчит ему.
Потому что вдоволь под сердцем сына.
— Мало их отправляли на Колыму.
И страдали они не сильно.
На уши вешают вам лапшу.

Гвоздики трещат по швам. Этим треском
Глохнут уши мертвому малышу
В бараке детском.

Красные лепестки: ушные раковины, ноготочки,
Веки тонкие, как паутина, пальцы, мошонка.

Она встает и уходит в матери-одиночки.
Уносит с собой ребенка.

Через восемь лет едет она на частнике,
На заднем сиденье крупный такой дитя,
Перешел во второклассники,
Шутя.
— Смотри, дорогой, вон кто идет, это же встреча встреч!
Остановите, выбегает, оборачивает того, кто в драпе.
Повернул лицо прохожий. А у него — печь,
А у нее — гвоздики. Не подходи, не подходи к папе!
У папы нечего нам сказать, папа горит внутри.
Посмотри, отвернулся и не видит вроде.
Ничего, ничего ему не говори
О своем народе.

ПУСТЬ ГОВОРЯТ*

А как стала она рассказывать, ничего не ясно.
Вот, говорит, дочку рóдила, не отдала в ясли.
Сама, говорит, кормила-поила.
А у самой в грудях одно молозіво.

А сама така прóста, и одета бедно.
На лице короста, и перхоть видно.
А и плачет, и губами шлендрает, и носом усердно.
Но что-то с дитем, видно.

А и сморщились все вокруг мухоморы,
Хотели что-нибудь о хорошем, а — снова.
Ребятенка жалко, по рядам пошли разговоры,
Ну, давай уже, не томи, что с ребенком, корова.

1) Вот интересно женщине, никогда не рожавшей,
Полноценным ли получился мальчик. Она — девочка.
Ну, девочка. Полноценная, спрашивают у вас, девочка.
А то, когда врачи... когда щипцами тянут...

2) Другая женщина, у которой трое их, трое,
Понимает, раз ребенок сосет, значит, первый вопрос отпадает.
Да было ли молоко? Или так, водица? Ну, вам же уже говорили!
Ну! Какое уж тут развитье? Да здоров ли младенец?

3) Третья так и решила: будет сейчас мамаша просить денег.
Дескать, муж бездельник,
вот вам счет, у детки лейкоз, посмотрите фото.

А она, тля на травинке, машет рукой: померла в восемь лет дочка.
Мне так и говорили после того случая, не проживет больше.
Родилась здоровенькой, правда, набирала слабо. Молоко у меня
водянистое, ваша правда. Ну, сидим мы с ней как-то раз на
скамейке. То есть я сажу и держу ее на коленках, запеленутую,
пяти кило нету. У меня еще такое теплое из фланельки платье, я
потом из него делала ей подстилки, она же в постель мочилась.
Вот лежит ребенок, а я коленки — одну на другую, чтобы держать
повыше, чтобы ближе доставала лялька сосок. Вынула груди,

* «Пусть говорят» — телевизионное ток-шоу

бери, какую захочешь. Она засмотрелась, рот открыла, никак не может выбрать. Тут-то вот и случилось.
Вся аудитория подалась вперед и совсем смолкла.

Ты говоришь. Над нами дерево закачалось.
То ли кто его сверху тронул невидимою рукою,
то ли над нею, лялькой, судьба в этот миг промчалась...
Так что я...
говорила? Да! Так вот
открыла она свой рот
и смотрит, лежит, застыла.
А под нею уже не я, а могила.
Смотрю: на лобик ей легкая мошка упала,
и покатилась по щечке, в рот попала.
Режиссер кобенится: тормозит передача.
Студия, плача,
голосует «за» и «против». Баба сидит и уже не плачет,
а только смотрит перед собою и повторяет «клеш».
А первая думает, странная вещь —
жизнь, вторая думает: перевернуть ребенка и по спине постучать,
пальцем достать
и много еще чего перебирает в голове, словно это сейчас может помочь.
А третья думает, какая же я сукина дочь,
змеюка.
И кусает себя за ухом. А тот, кто омывает Останкино со всех сторон,
совершенно не слышен, потому что звука
этого нет в сценарии передачи. Сука
выпускающая дает рекламу, зовут следующего участника,
прилаживают микрофон.

* * *

Баба Маня повариха никакая.
Внучка Машка повариха еще та.
Машке пять, она сидит, перебирая
Горстку гречки.
Машку тоже ждет плита,

(Если образно, в потугах обобщенья),
В смысле, быть и ей кухаркой Бог велит.
— Хорошо смотри, пока хватает зренья, —
Баба Маня, тыча пальцем, говорит.

Ее палец прогуляется по гречке,
Отберет крупицу с черным лепестком.
Баба Маня знает страшные словечки
И «служила» Ворошиловским стрелком.

Стар и млад. Сидят напротив. Всё им мало.
На работе остальная их семья.
Горка ядрицы одна у них сначала.
А потом у каждой черная, своя.

Машке сорок. Машка скорая и злая.
Машка знает, что всплывает шелуха.
— Жизнь другая, — баба Маня, — жизнь другая.
Не кухарка, не кухарка, не куха...

И готовлю, и батрачу, и шарманю.
Как там с крупами у вас на небесах?
...Видит гречку — непременно бабу Маню
Вспоминает. Точки черные в глазах.

18 МАЯ*

Ну, всё! всё! Опоздали! Всё из-за этой сукиной дочери,
Одиннадцать лет, а спит, как будто всю ночь гуляла.
Ишь, королева. Голову ей заморочили
Верка Сухая да Петлякова Гала**.

Куда это годится!?! В каком мы свете нелепом
Сейчас придем на Ходынское? Папа с утра куратором.
Брат, посмотри, измаялся, мальчик грезит небом,
Хочет стать авиатором!

Если мы опоздаем на самолет, к товарищу
Горькому, я тебе, Ирка, никогда не прошу!

Пять раз по радио повторили «Вставай, кудрявую»!
Два раза мать подогривала гренки.
Давай уже, шевелись, этот чулок на правую,
Платье, чтоб, смотри, прикрывало коленки!

В тридцать пятом году жили уже — что надо.
Туполевские дома недалеко от завода.
Григорий Палыч*** наш вернулся домой с парада
И сидит, окаменевший, не молился сроду,

А тут всю дорогу домой только и знал шептал:
Ты же такая соня, Ирка, поспи подольше.
Господи, говорил, возьми всё, что дал,
Только не их, человеческих моих детенышей.

Тут и хлопнула дверь в коммунальной его квартирке.
Спать с тех пор до упаду всегда разрешалось Ирке.

* 18 мая 1935 года — день гибели самолета «Максим Горький».

** Верка Сухая (в жизни Ирина) и Петлякова Гала — дочери известных авиаконструкторов.

*** Григорий Павлович Балалыкин, начальник хозяйственного управления ЦАГИ в 30-х годах (приблизительно 1931—1939), мой прадед.

* * *

Шел трамвай. Ужасный номер.
Вёз меня и пару из
Вот таких же, кто не помер,
но конкретный эпикриз.

Повернули к Пролетарке,
Звякнул тормоз или что.
Мы катили, как в пролетке,
Развевались пальто.

Мы катили, мы кутили,
Взгляды лезли по домам.
К остановке подкатили,
Постояли, посадили
Пару дам.

— Осторожно, закрываю,
Двери, — гаркнул рулевой,
Но челночная, чумная
баба бьется за кормой.

— Всё! — кричит в свой репродуктор
Наш кондуктор, — мне-то что,
Что зашелся твой редуктор,
Инвалид — купи авто.

Мне-то что, что ноги ноют,
Мне-то что, что сумки гнут.
Что тебя в земле зароят,
Что присыплют сверху грунт.

И, рычаг сжимая властно,
Погнала она трамвай —
Номер все-таки ужасный,
Цвет дурацкий, звонкий лай.

ЮБИЛЕЙ

Юбилей отмечали на кухне.
Раз, два, три — и обчелся гостей.
Сын ушел спозаранку, «притухни», —
Улыбнулся. Язык без костей.

Рыбка красная. Стопочки с горькой.
Фаршированный перчик в соку.
Голубцы подкопченные горькой.
И отдельно тарелка сынку.

Подарила сестра пароварку:
— Береги себя. Чеки внутри.
Брат пришел. Подарил пароварку.
Ну, хоть обе врубай и пари!

Вот такая родня на чужбине,
Вот такой юбилей в шестьдесят.
— Что там наши творят в Украине...
— Передайте котлетки назад...

Словно чадо о двух пуповинах,
В Украинах, в Россиях, вдали,
Кто научит их жить, половинных,
На два времени, на две земли?

После Пасхи на пашню, к утехе,
На Воздвиженье — в башню у МКАД.
Пароварок зато, как в аптеке,
И туда, и сюда аккурат.

САФРОНЫЧ

Сафроныч стар и требует сгореть.
Прозрачными глазами голубицы
Глядит на мошек. Мошек нет, но ведь
Сафроныч стар, ему Тамбов клубится

И Сирия, и Куба, и Вьетнам.
Он всё еще под кожей при погонах.
Он всё еще по войнам, по волнам,
Он всё еще на дальних полигонах.

И крыша у Сафроныча течет,
Не вынеся последней перегрузки.
Два сына не пошли ему в зачет,
Поскольку барахлил мотор при пуске,

Ребята вышли малость не в себе,
Жена как раз тамбовская волчица,
Сестра его в отеческом селе
Опять же без мозгов, как говорится.

Такие же и дед его, и мать.
А сам он был полковником толковым.
Но слег и бросил пищу принимать,
И ловит мошек над лицом багровым.

Сафроныч до семидесяти лет
Считал, природа всё сама поправит.
Но выхода — теперь он видит — нет,
И, выбирая порченных на цвет,
Отдельных мошек ловит он и давит.

* * *

А торги закончим и в лес пойдём,
В осень позднюю, словно барачный дом
Плесневелый, с трещинами в каркасе.
Но прогалины в лом залатать властям.
Гидромет страданья сулит костям
И мышечной массе.

Нет, пойдём, покуда не выпал снег,
Не напала ярость на нас на всех,
Не пришла хандра под личиной боли.
У меня Измайлово под рукой,
У тебя Сокольники за рекой,
Есть друзья в Подольске и на Подоле.

Ничего, что дождь и на поезд — нет,
Ничего, что биржа затмила свет,
Свет и так приглушен был изначально.
Кто-то малыми дозами до сих пор
В нас вливает счастье, как физраствор,
И глядит сиделкой на нас печально.

И летят осенние небеса,
Где сады стояли и смех лился,
И такая смута в тебе, в поэте,
Словно ты страна и в тебе дефолт,
Но свершает кто-то переворот
У тебя в сознание в минуты эти.

КДС*

Погасили свет. Начался балет, в смысле, опера, неплохой сюжет. Поле шахматное над головой погасло. Увертюра сыграна внутрь телес. И взметнулся бархатный занавес, и пошло-поехало, как по маслу. То Февронья что-то щебечет вдаль, то ведут на площадь, накинув шаль. И уже потягиваешься на кресле, и уже глазами туда-сюда. Хоровым на сцене пришла орда. Да и в зале нектрые воскресли.

Я сижу и чувствую, зал — пустой. Но в конце спины позвонок шустрой задрожал, учуял, как хвост собачий: завязался воздух от слова «вязь», и сгустилась тьма, что и так вилась. Со спины заходит призрак ходячий.

Узнаю его и не глядя я. Леонид Ильич пришел со братья. И народ советский всем комсоставом.

— Опоздали вы, Леонид Ильич, тут уже одна кутерьма да дичь. И поют сегодня вторым составом. Под статью Февронию подвели. Иностранцы — воры и куркули, но по крайней мере, про них всё ясно из программки. С нашими — кавардак. Вроде вот не враг, а чуть что не так: раз и в воду. В зале сидеть опасно! Засосет и чмокнет, и втянет в ил. Леонид Ильич, ты в буфет ходил? И продукты есть, а тоска ведь гложет. И такое чувство, что тех свобод, что отпущены на простой народ, не хватает всем, как в «Прокате» ложек.

Ну, высокий призрак, как то ружьё: раз висишь, стреляй, будь ты хоть копье, будь ты хоть праща в переносном смысле.

— Я всегда за творческий диалог, — говорит Ильич, — это вам урок. Замочили партию, вы и скисли.

— А не жмут паханские прахоря? — говорю в ответ, на него смотря, — не во вред варикозной эпохе вашей?

Тут на сцене город пошел тонуть.

— А какая обувь, такой и путь, — отвечает, — как тебя звать-то?

— Машей.

— Вот, что Маша, видишь, и нам пора. А была хорошая та пора, отчего-то ж ты в тридевятom классе у портрета с ленточкой моего не сдержала слезы, так отчего?

И он сделал знаки народной массе.

* КДС — Кремлевский дворец съездов.

Все снялись с рядов и пошли на дно. Невеселое, я вам скажу, кино: целоваться с призраком в три присеста. «А ведь там, — подумала я, — на дне, ну, кому ни попадя, даже мне, по всему, уготованы ряд и место».

АСПИРАНТУРА

Анатолий Борисович не грассирует только тогда,
Когда говорит: «Всё изначально случайно».
Там и грассировать негде. А когда говорит: «Без труда
Не выловишь рыбку», — грассирует чрезвычайно.

Кафедра наша «Теории государства и права» грассирует вся.
Анатолий Борисович там заведует, он большой теоретик
И вообще большой. В теорию нормы вклад внеся,
Теперь ударился в безобразия — он синергетик.

А чему нас учит это ученье? — что хаос добр,
Из него хоть что-то рождается! тогда как,
Если ты, к примеру, впадешь в стопор,
Мир твой равновесен, а значит, гадок.

Кафедра заседала по четвергам.
Профессора и доценты, следуя за ведомым,
Устраивали хаотичные диспуты: шум и гам.
Я потом пересказывала знакомым:

— Они сказали, что через пару лет
родина наша станет бандитской и блядской.
Но и в этом кафедра находила просвет.
Но просвета не было в моей кандидатской.

Анатолий Борисович на больных ногах
Поднимался с места и уходил в развалку.
Я не разбиралась тогда в богах,
Мне было его жалко.

Но научный руководитель твердил своё:
Неустойчивая система не поддается расчетам.
А я думала: ну, всё про меня, ё-моё, —
Ничего о себе не знаю. А он про меня, как по нотам...

И всегда и всюду я ощущала в темечке этот в гвоздь:
«Куда вынесет», — вопрошая, но нет ответа.
Всё вокруг несло, несло, несло, несло —
Теперь ищи-свищи, кто придумал это.

Десять лет корова слизала, а воз и поныне «ой».
На возу профессора по «государству» и доценты по «праву».
Анатолий Борисович умер. О преимуществах той
Синергетики объявили на всю державу.

* * *

На фоне пасмурном и серая сирень,
И мокрый дом, и дворники на спевке
Родней иных слобод и деревень.
Я столько здесь живу, что флаг на древке

Безбожно выцвел, пара тополей
От старости упала на заборчик,
И третье поколение пуделей
Уже растит растерзанный заводчик.

Мы были здесь, когда сносили нас,
Мы были здесь, когда нам жизнь меняли.
Мы не копили счастья про запас,
Мы тратили его и расточали.

Идет мне время, прожитое здесь.
На мне сидит пространство, как влитое.
И если сгину с этого постоя,
Приди и просто окна занавесь.

Пусть мокнет ливнем серая сирень,
И перекресток со штриховкой стертой,
И этот длинный-длинный майский день —
С прожилками на небе — день четвертый.

3.

* * *

Пеппи Длинныйчулок сидит в морщинистом ветхом саду.
Перед ней дырявое дерево. Она кладет в него ерунду,
А дети потом находят: сладкую газировку, булки, чулки.
На террасе лошадь. Точат ее червяки.

Лошадь давно подохла. Пеппи выросла и сидит в кустах.
Все думают, что она умерла, что лошадь съела ее, но страх
Не мешает им приходить и искать, что там выросло: хлеб и вода.
А при жизни ее было еще страшней приходить сюда.

Сумасшедшая Пеппи смотрит на них из травы, космы ее торчат,
Как прошлогоднее сено, кожа ее смугла.
Томми и Аника воспитывают внучат,
Но вечность не собирались у праздничного стола.

Никто ее не замечает, принято думать, что ей каюк.
Каждый верит, что дупло плодоносит, а птицы летят на юг.
Каждый уверен, что родился для радости и умрет.
А Пеппи всех по-прежнему дурит, но никогда не врет.

Дерево плодоносно, она совсем не причем.
По ночам она пробирается в дом и спит, сворачиваясь калачом,
Думает поочередно о каждом, качая бантиками на колтунах,
Гладит окостенелую обезьяну в курточке и штанах.

Ей бы прожить февраль, дальше она сама
Выйдет и сдаст себя, станет бессмертной, что ли.
Засыпая, шепчет: сколько у них ума!
Неужели им раздавали в школе?

По утрам она дышит на зеркальце, проверяя, жива ль.
Длинный чулок натягивает и как раз до ляжки.
В сущности, говорит себе, ни к чему печаль,
Шарит в дереве, достает и сосет из фляжки.

* * *

Хер Таллер снова удачно продал свой смех,
Смеха и грусти его хватит на всех,
Он на этом собаку съел и не подавился.
За последние полвека он почти что не изменился,
Только не путешествует на самолетах и кораблях
С пожилыми мужчинами, у которых усы в соплях
И холодные руки, дрожащие от порока.
Древний Рим, Чичен-Ица, Джунгария, Русь, Марокко.
Херу Таллеру повезло, у него есть хороший товар.
Покупатель еще не перевелся, да и сам он еще не стар.
Вот так всю жизнь он то носит печаль,
То отводит душу, возвращая себе своё, хохочет,
Словно бешенный, даже в лавке, даже, когда февраль
И никто ничего от него не хочет.
Или плачет. Возьмет и разнюнится с полпинка.
Уж торговка в лавке знает: теперь, пока
Не продаст кому-нибудь грусть хер Таллер
И не выкупит смех, так и будет ходить: покупать на талер,
А душу мотать на два.
Она с треском раскрывает бумажный пакет и, едва-едва
Шевеля губами, бубнит: «Да кто ж ее купит в наши-то времена,
Грусть-печаль хера Таллера, ну, кому она тут нужна?»

* * *

Любовь Патрикевна моя спит в ледяной избышке.
Сама ее и сварганила от проруби до отдушки.
Ей никого не нужно, она сама по себе,
Живи хоть в небоскребе, хоть в лубяной избе.

Всё вокруг прозрачно. Греет ее мороз.
Там изразцы хрустальные и витражи ветровые.
Для того, чтоб любить, не нужен никто, всерьез,
Ни мертвые, ни живые.

Поскуливает, свернувшись в замкнутое кольцо.
Кого позовешь на ледяное крыльцо?
Кого приласкаешь вмерзшим в ледышку брюхом?
Нечего пойти рассказать сеструхам.

Любовь Патрикевна спит, подтаивает снежок.
Она не идет войной занимать чужой бережок.
Лежит на талом снегу, как глухая тетеря.
В ней почти ничего не осталось от зверя.

* * *

Ванилью ночь перенасытив,
Молчит кондитерский завод.
Осоловелый телезритель
Все выключил и спать идет.

А ты вставай, имей отвагу,
Тебе водить, тебе сгорать
И в камень-ножницы-бумагу
Всегда бумагу выбирать.

* * *

Ирине Ермаковой

Добро с иным добром похожи ликом.
И мы с тобой, пичуга, шиты лыком.
Знай с птичьего пространства озирай
Все мелочи: замоскворецкий край,
Юго-восток, Коломенское, рынок...
Бей крылышками. В воздухе пылинок,
Таких, как мы, тьма тьмушая, фургон!
Вот семь холмов, Нагатинский затон,
Сапожник, рыбаки, добряк-уродец,
На перепись стекается народец,
Записывай, фиксируй, фоткай, чтоб
Их возлюбить взахлеб.
С той высоты, в которой ты жилища,
Сначала видишь все земные лица,
Потом лицо земли, и всю артель.
И начинаешь о великом трель...

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ЛУКНИЦКОГО

1.

Цветному, громкому, пахучему,
Живому миру сон неся,
Что Бог ни делает, все к худшему,
Но это истина не вся.

Преображенный силой августа,
Теперь и с мертвенных орбит
Ты видишь: смерть — всегда пожалуйста,
Но ведь и после всё болит.

Болит пространство опустелое,
Откуда ты изъят, как тот
Сосуд из горки, чашка белая,
Что с детства в памяти живёт.

И кажется, как в тихом омуте,
Вот-вот покажутся огни,
И закричит пространство в комнате,
Лишь только руку протяни.

2.

Как будто предчувствуя смерть
И все уже зная о смерти,
Давайте мириться и впредь
Давайте не ссориться, дети.

И если ты завтра умрешь
Обманно, предательски, лживо,
Пусть эта последняя ложь
Предстанет легка и красива.

Я стану мудрее на треть,
Научена этим уроком.
Училка ботаники смерть
Рассыплет пыльцу над востоком.
Се пепел, казенный кувшин,
Пробившийся в темечко опыт.
А если и нету души,
Ее мы придумаем, чтобы

Увидеть: она воспарит
И где-то вон там перед домом,
Податлива ветру и кленам,
По мне, по земной, заболит.

До встречи, мой сказочный друг,
Мы скоро сыграем в гляделки.
Стук-стук, моё сердце, стук-стук,
Как поезд к тебе в Переделки.

3.

Лопухи какие вылезли
Возле дачи, у ворот.
В доме жизнь остановилась ли:
Не выходит, кто живет.

Под Луною непогашенной
Дремлет дача Пильняка.
На дороге на загаженной
Приосела пыль слегка.

От кого ты в доме заперся,
Не выпускаешь тихих вдов.
Этот дом обходит за версту
Бог семейный Гумилев.

В этом доме граммофонные
Не грохочут голоса,
Не скрипят ступени сонные
Ночью ровно в два часа.

Или ты в пустыне гения,
Где шатровый сикомор?
Или там, где под Успение
Исполняли приговор?

Или — где зовется Анною
В небе горная гряда,
Или здесь, где Богом данные —
Лопухи и лебеда.

2008

Как бесов изгоняемый приплод, уходит из меня смертельный год — год високосный, тело мне коража, шинкуя мозг. Прощай, прощай, Сережа! Прощай и ты, из рабства моего освобожденный гений. Каково тебе теперь на воле? Вьются бесы и улетают в околоземной тоннель со свистом, брызгая слюной... Подобье санок с тройкою оленьей...

И вот из тысяч солнечных сплетений исходит лава. Полны погреба. Закончилась высокая косьба.

* * *

На севере Италии у барышень меха
Гостиницы пустуют и кухня неплоха
Темнеет в два счета
Отложена работа
Закрыта церковь на ночь от греха

Она ему в завивку тягучие слова
Он краску и подливку на полотно раз-два
Мадонне младенца
Пририсовать от сердца
Похожего на маленького льва

Во мраке Соронто откуда ж свет такой
На коже Мадонны и над ее рукой
Глаза у модели
В гостиничной постели
Горят словно звезды над рекой

Она намекает пора и к алтарю
Младенец икает внутри я говорю
Бернардо Луини
Младенца на картине
Напишет с натуры к октябрю!

ДОМ БАЛЕРИН (Брюсова, 7)

памяти Екатерины Максимовой

— Вы позвонили в «Помощь на дому». Записываю. Ангела? Давление?
Она вошла в подъезд. Из окон тьму пронизывали наискось виденья.
Одно курило душистый фимиам, в боа другое трепетало, третье
Вдруг навалилось на нее: — Я вам и говорю, советское отрепье,
Где эта ваша долбанная власть...советская....ах, ангел мой... и это
Виденье тоже схлынуло.

— Вот страсть как не люблю все эти шутки света. —
Она стремглав взлетела на этаж,
ее халат мелькнул в прихожей. — Что тут?
Ой, слушайте, какой у вас мираж
в подъезде странный, — перешла на шепот, —
Прижал меня, похабно кричит
про власть Советов, точно мой Петрович,
Но только мой — подмаслить норовит.
Хозяйка: — Бросьте, это Григорович.

Она из балерин на склоне лет. По склону лет она мысочек тянет.
Ах, Софья Александровна, мой свет,
балет болеть у вас не перестанет,
Балет благочестивей нас самих, балет благое топливо для взгляда.
И даже мягкость тканей, вялость их, красивая и сущностная плата.
Так не болезнь болит, балет бурлит.
Скрипит паркет, артрит по всем суставам.
Как этот дом сценически молчит,
когда сюда балетных всем составом!
Какая в стенах музыка звучит, пронзенная Козловским величавым!
Вся в белом оперенье медсестра. Точнее, в пенье, в опере, в паренье.
Она в Большом дежурила вчера. Два вывиха, одно кровотечение.

Их ведомственный ангельский состав обслуживает этот дом и сцену.
Она сама, на сцене отблестав, узнала воздаяние и цену.
Вчера, еще до вызова сюда, на Брюсова, на свет настольной лампы,
Из-за кулисы видела стада, пришедшие на водопой у рампы,
Когда одна из этих балерин воскресла из руин, из пепла встала,

От не рожденных деток, от морщин,
от чертовщин, от фобии провала,
Как, Боже, эта флора ликовала
и фауна дрожала, как один.
Ах, Софья Александровна, ползала
рыдало! Вот вам нитроглицерин.
Зачем балет, откуда взялся он?
Замолкнуть, чтобы телом изъясниться...
Весь дом трясется, словно он влюблен,
а это просто у станков жилицы.
И я успела, Господи, родиться, и длится век немислимых имен!

* * *

Месяц смертей заканчивается холодом и дождем.
Старуха старая жалуется на ноги,
До кухни медленно, до туалета бегом,
Телевизор и телефон. Смерть на пороге,
Но старуха не может дойти до двери.
Смерть пожимает плечами: приду попозже.
Она не была на улице, черт подери,
Года два, они там все умерли, Боже, Боже.
Старухе страшно, у нее диабет, как у Нонны,
Старухе жалко Пуговкина и Солженицына,
Сегодня ей позвонили, звали на похороны
Подруги, но куда ей, но как ей до Царицына...
Ей бы вон до окна и посмотреть на птиц и собак.
Главное, чтобы были ее дорогие
Кошки там, паучки... а она весь свой рак
Оперировала в молодости, аплодировала хирургия.
Если и есть чему болеть у нее теперь,
Так это ноги, тонкие, осыпающиеся трухою.
Диктор в трауре. Телефон звонит. Дверь
Грохочет. Промялся матрас под старухою.
Ноги, ноги мои, — причитает старая, шлет в ляжку
Инъекцию, в следующий раз в живот,
Чередует пять раз на дню, пьет в затыжку
Цикорий и живет, живет.

* * *

Не боюсь дары приносящих, тетю Розу и бабу Клаву,
Бабу Валю и тетю Аню, Валентина и тетю Машу.
На Рогожскую нашу заставу
Не всякий дойдет, сохранив поклажу.

Близится Пасха, копится шелуха от лука.
На базаре расторгвали яйца, зеленщицы кипят от злости.
В это Вербное воскресенье, такая штука:
Пачку Явы и пастилу
        беззубому бате
                                положу на погосте.

Буду ждать звонка, тетю Римму со своим кулечком:
— Вот тебе, детка, гостинец, учись прилежно.
Буду ждать стука в комнату, с пирожочком
Бабу Клаву, и отца с куличем, конечно.

Словно саженец, меня он прививает дарами теми.
Берет с собой на Преображенское, где родни немало.
На обратном пути покупает жене сирени.
Дай-ка и я куплю ей. Время мое настало.

Человек — хранилище для даров. Промолви ему «откройся»,
Позвони в звоночек и ничего не бойся.

СВАДЬБА

Верь упавшему ножу,
Мамин муж красив и пьян.
— Скажешь «папа»? — Не скажу.
Свадьба. Мама. Ресторан.

— Скажешь «папа»? Ну, скажи.
Слушай нас, учителей.
Семьи строятся на лжи,
Так солги, преодолей.

Что тебе, возьми и вмажь:
«папка родненький ты мой»!
Не реви, довесок наш,
В занавеску с бахромой.

КОЛЕЧКО

Новая женщина. Черный пучок.
Что ты на площади ей, дурачок,
Наговорил.
Прежняя женщина. Тонкий смычок.
Дочка. Развод. На бумажке крючок.
Дым до Курил.

На Маяковском расплавлен помёт.
Вот ей! — бросаешь кольцо. Но несет
Ветер назад.
Стонет колечко, к ногам твоим льнет.
Новая всё про куренье поймет.
Женщина — клад.

Плачьте, скрипичные! Вот он и холост.
Ясно, как белый грунтованный холст,
Будет портрет.
Только змеей, поглощающей хвост,
Снова — колечко сквозь тысячи верст,
Тысячи лет.

Женщина — умница, старая — дрянь.
Только колечко возьми и восстань,
Просится вновь
На руки, на руки... дочь, перестань,
Сказке про Инь, иссушившую Ян,
Не прекословь.

Семьдесят первый. Сатира. Пекин.
А на Кольце этом ветер, прикинь,
Как заводной.
Будет к утру пополнение картин,
Он тридцать лет проживет не один.
С новой женой.

FIRENZE*

Если длинный дом выстроен вдоль моста,
Все, что в воду падает из окна, уплывает вглубь.
Это глушь слепящая, запах воды, места,
Где и ты, и всякий местный по-своему глуп

И умен по-своему. Не торопись судить.
Говорит мой друг, что ангелы под мостом,
Словно карпы плавают, хочешь от них испить,
Опусти ведро в окно и молись о том.

Эти ангелы отпускают по кружке в день,
Эти ангелы исполняют по тайне в год.
А другой и свесится над водой и — дзэнь —
Упадет ведро, и не ангел, а карп плывет.

Вот такой там мост над рекой, такие там шутники.
По утрам сливают в воду лишнее молоко,
И бела река, словно ангелы — плоть реки,
Словно всем и всюду весело и легко.

---

* Флоренция.

* * *

Лес к вечеру чернеет, как лицо
Грузина, ошетилено и мрачно.
Всё падает из рук. Всё — снег, кацо,
Всё этой ночью марочно и смачно.

Снег утрамбован, гладок, розоват.
Трясутся фонари на волосинке.
А тот из нас, кто больше виноват,
Идет в кустах, по призрачной тропинке.

И ты, бредущий молча по прямой,
По красным пятнам путанного света
Сам волен угадать, кто там такой,
А ошибешься, не беда и это.

ПОЭТЫ ПОЮТ

М. Айзенбергу

Мы — пели. Рушились миры
За карточной стеной.
Фрамуги хлопали, ковры
Дырявились ступней.

Сидели вокруг бородачи
И пели, сколько сил
Хватало колыхнуть свечи
Стареющий фитиль.

И девы пели и несли
Вино и снедь к столу,
И пели, и венки плели
На голову тому,

Кто восседал в конце стола,
Хмельной слезе слепец.
И в окна проникала мгла
В пять мраморных колец.

Какая, Господи, страна
Пылала за стеклом!
Потом курили. Шла война.
Эпоха шла на слом.

Сидели вокруг, к плечу плечо,
И песнь рвалась из нас.
Как мы друг друга горячо
Любили в этот час!

Так любят только на войне,
Так на поминках пьют
И так бессмертные вполне —
Поют, поют, поют.

* * *

Ангел мой, не сиди на небе, продует.
Ангел мой, не гуляй в тавернах, тебя ограбят.
Ангел мой грустит, не идет, бастует.
Ангел мой уже ничего не исправит.

Жизнь идет под откос без него, насмарку,
Словно ветки дерева бросил ветер,
Не успеет ангел шепнуть огарку:
Не сгорай до дна, на исходе вечер.

На исходе темень в портовом смоге,
На исходе тишь в шалаше каштанов.
Он грустит в небесной своей берлоге,
Он и сам бирюк без надежд и планов.

Посмотрю на небо: посыплют звезды.
Сор в глазах, не видно рассвета, сжался.
Ангел, ангел, куда же меня завез ты,
Ночь кругом, и нет ни никакого шанса.

* * *

Не печалься, моё сердечко, если май за окном,
Если в парке напротив щелкают почки.
Не печалься, радость моя, живи в своей коробочке,
Другие наши умерли, а мы пока не умрем.

Этой весной ваши с нашими не якшаются,
Солнечные ландшафты медленно догорают.
Боги наши только и знают — рождаются,
А поэты только и знают, что умирают.

Всякий всходит по-своему к бессмертию своему.
Рано в нашем доме зазвонили в двери.
Это от ваших наших. Призыв по мере
Тления. Не открывай никому.

Глаза мои изувечены, истерты в сырые ветошки.
Сердце мое устало страху сопротивляться.
Поэты мои поэты, непутевые мои детушки,
Счастливо вам оставаться!

6 мая 2009

4.

* * *

Не трави мне душу прошедшим временем
Времени нет вообще
Время плавает черным семенем
В бабушкином борще

Она строгая фартук трогая
Ешь говорит расти
А я маленькая одинокая
Ложку сжала в горсти

Не хочу его это варево
Много мне а она
Над душою стоит как зарево
Ешь говорит до дна

Ешь и учись тоже будешь женщиной
Маленький мой мятеж
Подавляет лихой затрешиной
Не выйдешь пока не съешь

Над борщом наклонюсь для верности
Низко и мне видны
Жировые круги поверхности
Ужасы глубины

ДВА ЗЕРКАЛА

* * *

...Два зеркала она ему дала...

А. Цветков

Когда снесли муниципальный дом, им дали две квартиры на площадке. Налево внучке — девушке с веслом, направо — бабке, старой ретроградке. Настало перемирие меж них. Они друг к другу заходили в гости. Нарисовался временный жених. Но кто на ней... но кто ее... ай, бросьте!...

Два зеркала дала им, два мирка жилищная комиссия — ЖК.

И в правом этом зеркале старинном был тусклый свет, и корвалол лился, и приживалка-смерть в быту рутинном ленилась, вахту памяти неся. Пылится пол, крошился хлеб под ноги, и поутру, очнувшись ото сна, старуха долго складывала слоги: «про-», «сну-», «лась», «вро-», «де», «вот», «те-», «бе», «и», «на».

А эта, чья в углу сенокосилка, ночами приходила к ней в кровать, и что-то наподобие обмылка совала в пах: пора с тобой кончать, пора тебе захлопнуть дыры, бабка, заткнуться, подавиться языком...И долго от смертельного припадка старуха отходила... но молчком. Теперь она боялась только ночи, просила внучку «посиди со мной». Та отвечала «я не тамагочи», и выдыхала слезы, встав спиной.

Ей в зеркале всё становилось ясным, а молодости знание не впрок, не надо ей показывать, как красным заплыл гипертонический белок, что невозможно перебраться в ванну, что голова с душой наперевес, что смерть — маньячка, действует по плану. А если раззадорить, то и — без.

В том зеркале, которое налево, где девушка бывает не одна, где скоро корни пустит чье-то дерево, и жизнью от мореного бревна потянет так, что выбегут соседи, в том зеркале, в той ртути, что на треть расплескана, опять родятся дети, умея как-то смерть перетерпеть, они родятся, вырастут, по факту возьмут переходящее весло, а девушка в ту, с тусклым светом хату перенесет себя и барахло. И в том ретроспективном коридоре, где друг пред другом встали зеркала, пока идет, она умрет от боли, и будет дальше жить, как умерла.

Вымарывать страницы дневника, выкраивать копейки для сынка, ходить в аля-китайской телогрейке, с провидицей гадать на мужика, курить ночами в форточку, пока влачится поезд по узкоколейке, и засыпать, уткнувшись в синтепон с глубоким вздохом, и мечтать сквозь сон о том, чтобы не встретиться случайно ни с кем из тех, кто был в тебя влюблен, чтоб круг замкнулся, чтобы погребен был облик, Богом данный изначально. Безжалостен и замкнут, как петля, твой адский круг по сути есть Земля, и пройден по диаметру навывлет.

Но в форточке горит звезда-а-ля-поэзия: к исходу февраля она твое бессилье пересилит. Как с равным, разговаривать начнут с тобой века и цезари, твой труд обыденный, твой алчный сон — не боле, чем заговор души твоей, а тут вся жизнь твоя на несколько минут покажется оправданною, что ли.

ВИСОКОСНЫЙ ГОД

Процедура, известная в этом году високосном, повторяется сызнова. Взмок похоронный агент. Но, по данным статистики, время окажется сносным, по сравнению с грядущим, — не первый уже инцидент. Потому мы и дохнем, как мухи...

Ноябрь. Ностальгия прогрессирует в сырость. Идет перемена времен. Времена наступают другие, но мы не другие. О, за что ты отдал меня, Господи, в этот полон!

Я ручною гранатой работаю в этой растяжке на невидимых нитях, транзитник трагических вех: слева мать молодая, гнездом уложила кудряшки, справа нет никого — только нить убегает наверх.

КРЕСТНАЯ

Памяти В.И. Ложкиной

Сегодня в ночь в Немецкой слободе
В Елохове, в пятиэтажном доме
Не быть беде, не быть, не быть беде,
И ничему не совершаться, кроме

Постукиванье ветки о стекло,
Свеченье ночника и дребезжанье
Посуды в горке. Крестной ремесло
ревнивое, слепое обожанье

Четырехлетней крестницы. Родня
И рада сбагрить девочку, покуда
Дежурства и разводы, и грызня,
Тем более у девочки простуда, —

Наверно, от нехватки теплоты..
О, нежность нерастраченная, ты ли
Дрожишь в улыбке нянюшки! В могиле
Ее младенец, но из мерзлоты

Давно не ропщет Витенька. Стеная
о материнстве, прерванном войной,
Одна лишь Богородица стенная
Да Крестная склонились надо мной.

Легка и горяча ее ладонь,
Которую и вечность не остудит.
Ребенок спит. Горит вдали огонь
Богоявленский. И беды не будет.

* * *

Сосновый жар протопленной хибары... Сын, отошедший в возраст неродной...Тень черная за деревом, кошмары ночные, управляющие мной. Курить ночами жутко на крылечке в беспограничной этой полосе, где на деревьях раны, как насечки, чтоб не плутать, но заблудились все. Горланят, но никто не вышел в люди. И три сосны в Саврасовке моей — тот лабиринт, где зверь — в стеклопосуде, а пункт ее приема — апогей тупого героизма. В лабиринте саврасовском, где смысла не найти, никто ничем не жертвует, и нити не даст, и не сумеешь сам сплести.

Насечки видят, как понять, не знают.

Побрызгивает дождик в тишине. За деревом другое проступает и подступает медленно ко мне. Ну, что? И ты несешь благое слово? Сулишь века, а мига не даешь! Всё в паутине здесь, всё бестолково. А в остальном — и этот лес хорош.

* * *

«...Она стала почти на самой черте...»

Н. Гоголь. «Вий»

Не доверяю чужому дому,
Предоставляющему ночлег.
Не доверяю тебе, такому
доброму, словно не человек.

Пахнет воском. Стена с наброском.
Крошкой мучает простыня,
Разыллюстрированная Босхом.
Лучше бы ты не любил меня.

Лучше бы промышлял чернокнижьем
В этой кромешности снеговой.
Только злодейства мы любим в ближнем.
Я насладилась добром с лихвой.

Лучше меня не впускать в жилище.
Лучше случайных водить подруг.
Нищему не доверяет нищий.
С тем и отправимся в первый круг.

Может быть, мне, Николай Василеч,
Обрисовать этот дом мелком.
Чем и опасно любить в России —
Слишком затягивает потом.

Кто-то в разнос, а кто-то на вынос.
Взвоят собака в ночном леске.
В муках раскаяния один из
нас на девятом сойдет витке.

Встану, измучившись, в полшестого,
Выйду в снежные вороха.
Я не умею любить такого
неподходящего для греха.

* * *

Помнишь, переходили дорогу в неполюженном месте?
Снег повалил: ни вернуться, ни разгрести.
А сойдя с перрона в ночном предместье,
Где в инцесте живут поэтессы с поэтами, ты в горсти
Зажимал мою кисть, как клинок для мести.

Или помнишь, я, оборачиваясь и дрожа,
Как в убежище из стекла и бумаги,
Забегала в дом твой.

От гаража
Отделялась тень вековой коряги,
Черти кем поставленной в сторожа.

Беспокойно, чутко спала округа.
Вьюги вьюн обвил околоток тьмы.
Было нужно нам предъявить друг друга
Небесам, под которыми ходим мы.

Твоему Небу и моему Небу.
Так предъявляют новую негу
Разлюбившим нас, бывшим, любившим нас...
...Приходила дворняга в неподходящий час.
Напилась и вышла. Ушла по снегу,
Не оставляя следов...

ЧАЕПИТИЕ

1.

В это время гуляешь с собакой, а я звоню.
Есть желанье подумать о жизни вслух. Заменить броню
на раскаянье, жалобы, приговоры: «пора кончать
с безнадежным романом». А зуммер: молчать! молчать!
У тебя у самой...

Завести себе кобеля
и уехать в Германию. Навсегда. В канун февраля.
Подыскать себе эру, где несостыковок нет,
где неоновый свет, а для жалоб есть интернет
(здравствуй, Гегель). Уеду. Брошу все. Истреблю.
Не люблю его. Не люблю. Не люблю. Не люблю.

2.

Чаепитие выводит на чистую воду всяку породу.
Вот она узнает, что планирует он год от году
жить с семейством на даче, что строг он в вопросах порядка.
Что-то смутно печалит ее: непослушная прядка,
неумень заваривать чай и нехватка салфеток.
Ей бы деток.
Вдруг она понимает, что все бесполезно.
Тридцать первый любовник ее взирает болезно,
но глотает взмутненную жижу: вода и заварка.
Ему жарко.
Из того, что не дали ей предыдущие тридцать,
он не даст ровно столько же. А она все стыдится
неумелого чая и собственной жизни настолько,
что еще одно слово его

и будет настойка,
еще капля и переполнится, лопнет, прорвется.
Он смеется.
Дождается пота. Платок достает. Ничего не обещает.
А она угощает его. А она его угощает...

* * *

Полон не ответов, но вопросов,
Торопясь к последней литургии,
Бегают по кладбищу Иосиф,
Ищет место свято для Марии.

Ищет место пусто для ночлега.
Просит разрешенья у начальства.
А начальство пучит от нахальства:
Пусть себе возносится на небо.

А ее в соборе отпевают,
Но куда везти, еще не знают.

Потеснитесь, кости на погосте.
За стопарь удавятся лопаты.
Ты куда теперь, Мария? — В гости.
Господа пути витиеваты.

Спи, Мария, местная бродяга.
Все на свете выдержит бумага.

ВОТ ЧЕЛОВЕК ПЛЫВЕТ ЧЕРЕЗ ОКУ

Вот человек плывет через Оку. Еще темно: и ночь, и на веку его просвета не было, короче, ничье поместье не ушло от ночи, и не пыталось, в сущности, уйти. Вот только он сюда часам к пяти утра приходит еженощно, чтобы нырнуть обратно в нежный свет утробы.

Река вздыхает длинно, словно монстр, неподалеку в ней темнеет мост.

Расшатанная нервная волна накатывает с лунного согласия на человека, на побережье, на страну, почти не видимую, к счастью. Ему не страшно, он себе плывет. Вот мост неподалеку, дурачина! Плывет, как плыл. Не слушает, живет, как жил. И мост для счастья не причина. И счастье, в общем, не идея-фикс, коль за мостом Ока впадает в Стикс.

И многие с той стороны моста бросались в воду, ибо жизнь пуста, другие ходят с берега на берег, от счастья к счастью, не открыв Америк, притупив нюх, совокупляясь всласть, но и у этих жизнь не удалась.

Вот над рекой установился пар. Не слышен всплеск, пловец опасно стар и мог погибнуть, как герой на водах. Но мы пришли присутствовать при родах и с места не сойдем, пока на брег не выйдет неизвестный человек. Он возвратится. Вот его собака, глядит особым зреньем, как из мрака плывет, плывет, не выплывет никак сизиф воды, и вместо камня — мрак.

Темно еще все сушее, ей богу. От сотворенья и по наши дни — темны и толпы нас, идущих в ногу, и прячущиеся от нас в тени. Вот человек выходит к нам на травку. И он пойдет с рассветом в переплавку. И будут починять назавтра мост, над волнами, идущими внахлест.

ТУМАН

Туман на Матрёну к оттепели

Не спать всю ночь. Не думать ни о чем. Пролистывать компьютер разморенно. Не чувствовать, как за твоим плечом уже встает туманная Матрёна.

...Знать, оттепель. Зима сошла на нет. Иди живи без страха поскользнуться. Вот ускользящий нестойкий свет ночной, которым можно захлебнуться. А вот и скоротечный свет дневной, как молодость, и вечерет рано.

...Слепая баба Мотря надо мной колдует-выколдовывает рьяно. По памяти проходит до плетня, мотает цепь и тянет из криницы рассвет. И что-то торкает меня смотреть в ее синюшные глазницы. Следить, не ошибется ли во мгле своей глубокой старости Матрена.

Ах, нам бы так запомнить на земле все рытвинки, расщелинки, схороны. Я по привычке вглядываюсь в ночь, в ее туман, светящийся жемчужно. Но чтобы воду в ступе истолочь, и внутреннего зрения не нужно.

Кто это всё тебе наворожил?! Какая ночь бессмысленная тает! Хмарь оседает, проступает мир, но слепоты немного не хватает...

СОРОДИЧИ

Поездом шесть часов от Киева. Полустанок, Станция или районный центр: Полупустой до вечера спозаранок, Пыльный и разморённый, где у коров фальцет, А быков не видно, и, как огня, подранок Боится пастушьей участи, но другой-то нет.

И меня до десятого класса пугала мама: Учись, а не то коровам хвосты крутить Езжай в Фундуклеевку! Большого срама Я не могла представить себе.

Силосная яма

За селом: меня успели схватить За поясок. Мне было пять лет. А храма В Фундуклеевке отродясь не строили: не надать.

На Маяковской, Пушкинской и в проулке Лермонтова жила у меня родня: На киселе вода — малорослы, юрки; Разводили кролика, резали свиня, Фрикативным «г», словно гвозди в чурки, Загоняли самость мою в меня.

Кукурузные налитые стебли, колорадский Жук, черешня желтая, и, как месиво из квашни, Из садов выпирающий, душный, адский Сноп сирени, загораживающей дом хохлятский, Бабу Мотрю (как у Моне — в тени),

Уходящую, не допрошенную с пристрастьем, Глубоко ослепшую — до немоты! Дух земли моей — только ты со счастьем Совпадаешь в памяти — только ты.

ХРЯК

В соседней хате, где партсъездами
Гараж завален и чердак,
Часа четыре хряка резали,
А он не резался никак.

Прабабка закрывает уши мне,
И утыкает в свой живот,
А это будущее кушанье,
Как резанное глотку рвет.

Со всей округи животастые
С мясистой холкою хохлы
Наперебой под вечер хвастали,
Какого борова «вбылы».

Меня рвало неделю-около.
Ну, сколько было мне тогда? —
Лет семь... Я в первом долго окала,
Но это — тоже не беда.

* * *

рыба рыба с розовым животом
ты уже за пазухой у Христа
но о том не сведуща что потом
и куда несет тебя темнота

это начинается вещей сон
нету рая рыбного только ад
рыбаки-апостолы на Кедрон
возвратятся засветло через сад

рыба рыба с розовым животом
на столе пасхальном на золотом
основная пища у рыбащей
потому что страшно им есть зверей

после жизни праведной — на Кресте
засыпаешь с рыбкою в животе
рыба рыба розовое брюшко
после сытной трапезы спать легко

АВГУСТ

Вот яблоня растет поверх земли.
Мутнеет небо летнее сквозное.
Еще над миром лампы не зажгли,
Но погасили солнце выносное.
Меж тенью, где спасалась ночь от зноя,
И светом, на котором мы выросли,
Границы нет. У сумеречной зоны
Свои законы. Времени не чтя,
Вступая на бесцветные газоны,
Доверчивое вечное дитя
Берёт из веток яблони-чернавки
То яблочко, что даст ему покой.
И хрумкает, и давит за щекой,
И засыпает медленно на лавке.
И звезды зажигаются в такой
Прогрессии, что страшно, как на явке.
Трещат дрова в вечернем костерке,
Как кости у артритника, и кто-то
Идет в кустах, невидимый, к реке
И плещется вблизи водоворота.
Философы бубнят под коньячок,
Прагматики закатывают банки,
Поэты поедают шашлычок,
И Млечный путь раскидист и высок,
И падают плоды его в свой срок
Куда-то за соседские делянки.

* * *

Он был почти что волк, почти морской. Он жил со мной и с ней в одной квартире, и мы мирились с этим, не о мире шел разговор, но о любви мирской.

Чета имела сыновей. Она была моя ровесница, но что-то со-старило ее. Моя забота была отдать себя ему сполна. Она не возражала, он — мудрец, он голову забил ей суррогатом восточных баек, в облике рогатом она была тишайшей из овец. Ты помнишь, кто Ты там, как Ты нас свел? Испорченная под Твоим призором не осознавшим дара дыроколом, впредь к ляжкам прижимавшая подол, убогая, когда не по любви, увечная, когда не полюбовно, неровно отступавшая, но словно манящая на запахи свои, я забрала матерого в силки. И прилепилась, как бы встарь сказали...

Страна жила, как тетка на вокзале: билет в кармане, тощи узелки, да вот состав не подают никак. И мы летали в истовом ознобе! Вынашивала третьего в утробе законная и плакала в кулак. Кедровником пропахшая, волной соленой, черным воздухом читинским, я возвращалась в дом ее со свинским клеймом счастливой бабы запасной.

Я двадцать лет не вспоминала их. Они исчезли всей семьей дружно, когда он научил меня всему, что должны уметь в когорте запасных.

* * *

Мне снилось, что папа не умер, что он в СПб живет с молодой женой, но всегда на работе. Когда я приехала, дождь колотил по трубе, и бледная женщина в полуистлевшем капоте за мною ходила по тесной квартире своей и всё извинялась, и всё извинялась за то, что отец не идет, что стемнело, что бросил детей, что ехать пора, и сегодня его не дождешься. Автобус катился по улице длинной, как сон, я видела улицу эту и раньше, казалось. Как будто налили чернила на мокрый картон, дорога плыла и в финале совсем расплывалась. Такая картина висела в его мастерской (теперь Александров, приятель его, процветает, и тоже женился по новой). На улице той всё, как у живых, только времени там не хватает. И если захочешь увидаться и посидеть в чаду коммунальном с Нелюбиным, что ли, Сережей, поди разыщи его! и коммуналку на треть распродали, и у отца распорядок не божий на службе. Картина цела — полстены над тахтой. Без рамы она, ибо не был богат Александров в ту пору, когда он впервые на улице той пейзаж рисовал, уходящий на несколько ярдов в грядущее. В этом грядущем ни тени живой, ни света тебе, ни мазка, превращенного в тело — ну вроде отец из присутствия чешет домой, и я его жду-дожидаясь: глаза проглядела.

* * *

Соседке по палате снится рыба
Под маринадом, с сыром и лучком.
Мне снишься ты. И мы живем молчком
В лазурной плазме праздного Кариба.

Я просыпаюсь. В этот час ползет
По небу мошка спутника и брезжит
Свет утренней звезды, и мой живот
Еще не знает, что его разрежут.

Из луковицы тянется на свет
Звезды, которой нет уже в помине,
Твой сын, еще не ведая, что нет
Тебя, не помышлявшего о сыне.

Круговорот в природе. Ни о ком
Никто не знает. Будет рыбаком
Ребенок или попадет в сети...
Дежурная с веселым хохолком
Зовет сдавать анализ на рассвете.

* * *

Уходила женщина волочила шлейф за собой
В Лукине лукиница перед нею Павел слепой
В Лукине лукиница за нее ходить не могли
Уходила женщина а мы с нею были враги

Уходила женщина уменьшаясь телом в разы
В Лукине лукиница поперед нее две козы
А одна белесая а другая с черным бочком
Уходила женщина сын у ней дурак дурачком

Уходила грешница да была последней в строю
В Лукине лукиница у дозора по острию
Уходила женщина прищемили шлейф золотой
Пригвоздили к кочке шпилькою шиньон завитой

У нее усмешка словно та в годах молодых
Где за каждым слезка а у нее старый жених
А впереди возлюбленных целый шлейф и все под рукой
А мать ее из ссыльных да с сибирской черной клюкой

А младенчество ее где бескормица на крови
А ее кормили по любви по любви
А ее ласкали за корма за корма
А у нее от счастья ломаются закрома

А сын ее юродивый ни на кого не похож
Уходила женщина поднимала шавка скулеж
А ее носил на руках дурак дурачок
Целовал последнее что еще осталось от ног

От груди осталось от округлых бедер ее
Уходила женщина сын теперь бобыль бобылье
В Лукине лукиница он ее туда и отнес
Ко слепому Павлу что в разлуке мохом порос

Разомкнул детина а с ладони прах полетел
От лукиницы до околицы за предел
Из ладоней как из родового гнезда
Уходила женщина больше не вернется сюда

Ах ты вот и матушка на кого
Ты оставила дурачка своего
Ах и вот и грешная не случилась родня
На кого оставила дуру душой меня
Для какого праздника для какого жнивья

Уходила женщина женщина голубка моя

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1.

Палата женская. Грибок на потолке.
Старуху привезли из хирургии.
Старуха спит с катетером в руке,
И спят, еще не полые, другие.

Больница городская «МедСанТруд»,
На Язуз глядит центральный корпус,
Где правду-матку режут, водку пьют,
И я еще над снимками не корчусь.

Апрель — насмешка, Благовест — фантом.
Мне двадцать лет. Меня приговорили
Быть пустоцветом в мире золотом,
Бесплодным телом ласковой Марии.

Перед обходом нянька шуровать
Начнет насквозь хлорированной тряпкой.
Пойдет стонать десятая кровать.
— Наркоз отходит, посидите с бабкой, —

не разгибаясь нянька пробурчит.
Менять белье. Носить супы и пшенку.
Учить ходить. На воле, что горчит,
Не подойти ни к одному ребенку.

Спустя пятнадцать лет зачать мальчика.
Носиться с ним, как с писаною торбой.
Когда бы жизнь рассматривать с конца,
В ней постепенно всё предстанет нормой.

2.

Был зимний лагерь. Шубка по плечу,
Но трижды перекроенная. Сроду
Не знала спеси. И теперь молчу.
А в сосняке тогда решила сходу:
Я не хочу растаять, не хочу,
Как горстка снега, брошенная в воду.

Темнело капитально к четырем.
В снегу по пояс детская площадка.
Вожатая с вожатым — вот синдром
Любви к чужой любви. Плыла лощадка
На каруселях снежных. Мы умрем,
Но чем бы откупиться от распадка

И длиться долго? Эти десять дней
Казались веком сладким и тяжелым.
Прошла она, и он прошел за ней.
И снежный скрип за корпусом веселым
Был невеселым. Господу видней,
Кого учить вот так, кого по школам.

Просматривался сквозь фонарный свет
Хмельной физрук, идущий по аллее,
Столовки куб, линейка, силуэт
Гайдара в гипсе. Звезды, тяжелея,
Срывались с неба, но чернел их след,
И становился замысел светлее

И слаще одиночество! Тайком
Присутствовать вот так при каждой сцене,
Глядеть на мир мгновенный, снежный ком
Забывших жизней! Вырвать их из тени!
... Она потом сойдется с физруком
И выйдет замуж к третьей летней смене.

КИНО

* * *

...Все на свете праздник...

С. Г.

Был первый дубль. Он не вошел в кино, но честно отработали актеры.

Она ходила к доктору, дано ей было заключение, что скоро она погибнет, то есть доктора такого не напишут вам, конечно, но формула была ясна. Игра актеров раскрутилась здесь успешно, особенно вошла актриса в раж, играющая ту, которой дали дней пять на сборы, а потом — «шабаш». На пятый в Остроумовку забрали, назначив операцию. Но до смещения съёмок в корпус «Хирургии», снимали этот дубль: семья и дом.

Шел третий день. Повыв на литургии, она вернулась и легла в кровать. Сказала:

— Терапевт велел побриться. Анестезия — лак с ногтей убрать.

Актрисе удалось и прослезиться, потом она зашлась, зашлась, зашлась... Она кричала:

— Ты меня сгубила, и на могиле будешь, веселясь, плясать и петь.

— Но ты всегда любила сама — плясать и петь, — шутила дочь.

— Я всех вас ненавижу, — мать твердила, — и проклинаяю...

На ковер, точь-в-точь Быстрицкая, свой взгляд переводила. Но вновь взрывалась:

— Все черно внутри!

Она вставала, словно что-то ищет, бросалась с кулаками... До зари ее терзал ее смертельный прыщик. Потом она уснула тяжело. (Надеюсь, узнаешь себя, Россия?) Дочь выплакалась в ванной...

... Пронесло.

Чуть позже показала биопсия: болезнь ее смертельной не была. Под дверью послеоперационной блуждала дочь, молилась, чтоб жила, над временно бессмертной мамкой сонной, еще не зная, что бессмертье есть.

И кошки расцарапывали сердце: сценарий нужно было весь прочесть, потом давать согласие. Отвертеться она вчера от сцены не могла, (снимали эту белую горячку), короче, пена белая пошла у матери. Зубами стиснув жвачку, дочь залепила оплеуху ей! Мать заскулила, ей воды подали...

Никто еще не знал — бессмертье есть.

Но этот страшный дубль забраковали.

несколько раз в году он просит меня показывая на балкон
достань деда мороза елку и сделаем новый год
иногда я достаю гирлянды светящийся шар и он
засыпает в полном блаженстве а дед мороз поет

песенки католического рождества
вот идут холода до новогодних каникул рукой подать
и нужно будет решать где брать столько провизии и какие слова
произносить на слова а папа подарит мне джип и возьмет гулять

итак он снова просит достать ему новогоднюю мишуру
не порть говорю аппетит перед ужином не разгуливайся перед сном
не празднуй перед праздниками не умирай до смерти ступай по добру
по здорову с кухни оставь меня отстань от меня завтра рано встаем

он засыпает когда влага в глазах превращается в снежный сон
в разъедающие кристаллики солончатые если поцеловать
я курю и думаю если б не он
как бы стала я жить как бы стала я умирать

* * *

Мне припомилась тут картинка.
Был пикник на краю села.
А беременная Маринка
К тому берегу поплыла.

Вот плывет она кверху пузом,
Держит руки за головой,
Как баржа с контрабандным грузом,
Обманувшая наш конвой.

Муж киряет ни сном ни духом,
Мать сражается с комарней,
А Маринка с огромным брюхом
Уплывает на берег свой,

Я стою и кричать не в силе,
Что ты делаешь, мол, вернись.
У нее разряд в вольном стиле,
И вообще она смотрит ввысь.

Смотрит ввысь, ничего не слыша,
А услышет, прибавит ход:
У Маринки снесло всю крышу
От гормонов, она и прет.

Я, бездетная, злюсь на кочке,
Муж пытается в воду лезть.
А Маринка плывет и точка.
Так красиво, глаз не отвести.

* * *

Всем! Всем! Всем!
Девочка наша стала ходить в бассейн!
— Растрясись, толстожопая, растрясись, — разрешила мать.
И давай ее собирать.

Положила ей полотенчико, приговаривая: «Ничего!
Я тебя еще младенчиком заворачивала в него».
Положила вьетнамки, подстилку и мыло, шапку, купальник свой.
Говорит: «Чтоб совсем не стала дебилкою, не ходи с сырой головой».

И пошла наша девочка да вразвалочку, с сумкой толстою на ремне.
И пришла она в раздевалочку, и сидит себе в тишине.
Вдруг заходят четыре девочки, словно ангелы во плоти.
Наша смотрит во все гляделочки, хочет даже уйти:

— Дал же бог очертания, — думает, — разве снимешь при них белье?!
У меня трусы «до свидания, молодость»,
и грудь отродясь не стояла, горе мое.
А те всплескивают космами, руками взмахивают,
прыгают на одной ноге.
А у девочки нашей весь баул в чесноке.

— Возись потом с тобой, — говорила мать, — принесешь
заразу, а то и грипп.
А чеснок отбивает.

Она проветривала по дороге, но дух прилип.
О, как же они прекрасны, нагие, не видящие ее в упор.
Она снимает колготки, не снимая юбки, потом головной убор,

Влезает в купальник по пояс, потом снимает юбку,
потом сквозь рукава
Вытягивает лифчик. Поднимает купальник на грудь,
снимает кофточку. Какова!

Через час они одеваются, возвратившись из душевой.
Ага! Говорила мама: не ходи с сырой головой.

Вот сидит наша девочка под сушилкой, смотрит, как брызгаясь и блажа,
Эти грации с голубыми жилками, достают средства девичьего вийзажа,

Говорят слова прекрасные: Буржуа, Сен-Лоран, Клема...
Она уходит сразу в свою комнату. Мать приходит сама.

Что, поплавала? что угрюмая? что назавтра задали? что молчишь?
А она, наша девочка, сидит, как мышь.
Смотрит точками, плачет строчками, запятыми молчит.
А потом говорит:

«Вот ты мама, мама, где твои штучки женские,
ручки бархатные, аромат на висок,
Ножки бритые, ногти крашены, губы в блеске, каблочки цок-цок.
Из-за этого твоего невежества, из-за этого мужества,
из-за всей твоей изнутри
И я вот такая неженственная,
не отличу Пани Валевску от Красной Зари».

Не умела сказать, наша девочка, что в условиях нелюбви
Человек сам себя не любит, и любить-то бывает нечего — не завезли.
Не возлелеяли, не согрели, не счистили скорлупу до белка, до любви.
Девочка, ты наша девочка, нелюбимая наша девочка, плыви, плыви.

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Гандельман. «Так красиво, глаз не отвести» 3

НА ТОЙ ТЕРРИТОРИИ

1.

СИМИРЕНКО	15
ГЛЕЧИК	17
ГОРОДНИЦКИЕ	19
АБСОЛЮТНОЕ ВРЕМЯ	20
ЧАСЫ	21
«Ну, что, православные! Долго еще до села?..»	22
ФЕОДОСИЯ	23
1. Карантин	23
2. Фиделев	24
«Ну, вот, залезай на каталку, — сказала сестра...»	25
«Бабка красит седину...»	26
«Старая женщина, а глаза так и горят...»	27
ДОКУМЕНТ	28
«— Кто там в приемной? — говорит Господь, — пригласи...»	29
НА ТОЙ ТЕРРИТОРИИ	31
МАЛАЯ ИСТОРИЯ СПАСО-АНДРОНИКОВА МОНАСТЫРЯ	33
Золотой рожок	33
Андроник	33
Проща	34

Молитва Андрею	35
Аввакум	35
Концлагерь	36
Гужон	36
Колония	37
Крещение	37

2.

ПЛАН ПОБЕГА	41
«Вот страна моя картой на стенке, плазменным светит огнем...»	43
КОЛЫБЕЛЬНАЯ	44
«Матершинница, поздняя мать, за кавказца замуж...»	45
БИЛАЛ	46
ПАМЯТИ ОТЦА (4 сентября)	47
«Лобзик, шуруповерт, плиткорез...»	48
«Как же я постарела!» — она шлет ему фотографию...»	49
«Жена Тесея сама знает всё про себя...»	51
ЮДИФЬ	52
ПЕЧЬ	54
ПУСТЬ ГОВОРЯТ	55
«Баба Маня повариха никакая...»	57
18 МАЯ	58
«Шел трамвай. Ужасный номер...»	59
ЮБИЛЕЙ	60
САФРОНЫЧ	61
«А торги закончим и в лес пойдем...»	62
КДС	63
АСПИРАНТУРА	65
«На фоне пасмурном и серая сирень...»	67

3.

«Пеппи Длинный чулок сидит в морщинистом ветхом саду...» 71	
«Хер Таллер снова удачно продал свой смех...»	72
«Любовь Патрикевна моя спит в ледяной избушке...»	73
«Ванилью ночь перенасытив...»	74
«Добро с иным добром похожи ликом...»	75
ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ЛУКНИЦКОГО	76
1. «Цветному, громкому, пахучему...»	76
2. «Как будто предчувствуя смерть...»	77
3. «Лопухи какие вылезли...»	78
2008	79
«На севере Италии у барышень меха...»	80
ДОМ БАЛЕРИН (Брюсова, 7)	81
«Месяц смертей заканчивается холодом и дождем...»	83
«Не боюсь дары приносящих, тетю Розу и бабу Клаву...»	84
СВАДЬБА	85
КОЛЕЧКО	86
FIRENZE	87
«Лес к вечеру чернеет, как лицо...»	88
ПОЭТЫ ПОЮТ	89
«Ангел мой, не сиди на небе, продует...»	90
«Не печалься, моё сердечко, если май за окном...»	91

4.

«Не трави мне душу прошедшим временем...»	95
ДВА ЗЕРКАЛА	96
«Вымарывать страницы дневника...»	97
ВИСОКОСНЫЙ ГОД	98
КРЕСТНАЯ	99
«Сосновый жар протопленной хибары...»	100

«Не доверяю чужому дому...»	101
«Помнишь, переходили дорогу в неполюженном месте?...»	102
ЧАЕПИТИЕ	103
1. «В это время гуляешь с собакой, а я звоню...»	103
2. «Чаетпите выводит на чистую воду всяку породу...»	103
«Полон не ответов, но вопросов...»	104
ВОТ ЧЕЛОВЕК ПЛЫВЕТ ЧЕРЕЗ ОКУ	105
ТУМАН	106
СОРОДИЧИ	107
ХРЯК	108
«рыба рыба с розовым животом...»	109
АВГУСТ	110
«Он был почти что волк, почти морской...»	111
«Мне снилось, что папа не умер...»	112
«Соседке по палате снится рыба...»	113
«Уходила женщина волочила шлейф за собой...»	114
ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ	116
1. «Палата женская. Грибок на потолке...»	116
2. «Был зимний лагерь. Шубка по плечу...»	117
КИНО	118
«несколько раз в году он просит меня показывая на балкон...»	119
«Мне припомилась тут картинка...»	120
«Все! Все! Все!...»	121

Литературно-художественное издание

МАРИЯ ОЛЕГОВНА ВАТУТИНА

НА ТОЙ ТЕРРИТОРИИ

Сборник стихотворений

ISBN 978-5-902976-33-2

Подготовка оригинал-макета —
издательство «Арт Хаус медиа»

ООО «Арт Хаус медиа»,
Россия, 115035, г. Москва, а/я 42

Подписано в печать 5.07.2009.
Формат 76x92¹/32. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,0.
Тираж 650 экз. Заказ №

**Вы можете заказать книги издательства
«Арт хаус медиа»**

по адресу:

ООО Арт хаус медиа,
Россия, 115035, г. Москва, а/я 42

E-mail: director@protodesign.ru

на сайте: www.ahm.ru, www.books.ru,
www.bolero.ru

по телефону:

тел. 8 903 730 91 83

Вы можете купить книги издательства

в магазинах Москвы,

